

Виктор
Воробьев

ПО ТУ СТОРОНУ
ПРАВО
СУДИЯ

16+

Виктор Николаевич Воробьев

По ту сторону ПравоСудия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67240082

SelfPub; 2023

Аннотация

Уважаемый читатель, предлагаю вашему вниманию единственную в своем роде и довольно необычную книгу. Я – бывший депутат Городского Совета Депутатов города Архангельска. Волею судеб и нашего "правосудия" несколько лет назад я оказался в тюрьме. В этой книге я постараюсь дать не искаженное цензурой и предвзятостью представление о том, что на самом деле представляют собой российская тюрьма и ее обитатели глазами человека далекого от криминального мира, увидевшего это все изнутри и испытавшего на себе. Многие шокирует вас, удивит, возмутит, но точно не оставит равнодушным. Я опишу жизнь в тюрьме, обычаи, устои, условия проживания, правила, которые нельзя нарушать, последствия их нарушения, дам рекомендации по выживанию, подскажу, как вести себя в отношениях с представителями администрации и заключенными, как не попасть в касту отверженных «в систему», как не стать жертвой тюремных интриг, не надломиться и не искалечить себе всю жизнь. Одним словом, как выжить и при этом остаться человеком.

Содержание

Аннотация	4
Об этой книге	6
Пролог	15
О себе и о политической обстановке в городе	23
День первый	38
Первый допрос	43
Приезд в изолятор временного содержания	51
«Малый суд»	59
Выбор адвоката	64
Тюрьма (следственный изолятор)	68
Приезд в тюрьму	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктор Воробьев

По ту сторону ПравоСудия

Аннотация

Уважаемый читатель, предлагаю Вашему вниманию единственную в своем роде и довольно необычную книгу. Я – бывший депутат Городского Совета депутатов города Архангельска. Волею судеб и нашего «правосудия» несколько лет назад я оказался в тюрьме. В этой книге я постараюсь дать не искаженное цензурой и предвзятостью представление о том, что на самом деле представляют собой российская тюрьма и ее обитатели глазами человека, далекого от криминального мира, увидевшего это все изнутри и испытавшего на себе. Многие шокирует вас, удивит, возмутит, но точно не оставит равнодушным. Я опишу жизнь в тюрьме, обычаи, устои, условия проживания, правила, которые нельзя нарушать, последствия их нарушения, дам рекомендации по выживанию, подскажу, как вести себя в отношениях с представителями администрации и заключенными, как не попасть в касту отверженных, как не стать жертвой тюремных интриг, не надломиться и не искалечить себе всю жизнь. Одним словом, как выжить и при этом остаться человеком.

В Приложениях я размещу письма, которые я писал из

тюрьмы и колонии, заявления на повторное расследование моего дела, в связи с вновь открывшимися и ставшими явными доказательствами моей невиновности, обращения и другие документы, которые были написаны мной в период заключения. Уверен, многим они будут даже более интересны, чем текст всей книги, поскольку из них можно узнать много нового и интересного как обо мне, так и о моем уголовном деле.

Проповедь хороша тогда, когда она исповедь

Об этой книге

Уважаемый читатель, я долго думал, кто ты, какой твой возраст, пол, чем ты занимаешься, чем интересуешься, что тебе важно в этой жизни, как сделать так, чтобы с первых строк заинтересовать тебя, и ты обязательно дочитал эту книгу до конца, поняв, что в первую очередь это нужно тебе. Каким образом и в какой форме мне лучше донести то, что накопилось во мне и чем я хочу поделиться? Может быть, эта книга поможет кому-то, кого-то уберезет от неверных шагов и решений, кого-то просто не оставит равнодушным, кому-то подскажет, что делать и как вести себя в сложной ситуации. Может быть, ее главная задача в том, чтобы каждый задумался о том, что происходит у него под носом, в его родной стране, с людьми, которые окружают его и являются такими же гражданами нашего государства. О том, что может произойти с каждым из нас. Все ли так безоблачно и однозначно в нашей системе правосудия, как уверяют нас власти? Каково приходится людям по ту сторону забора, и всегда ли там сидят те, кто должен там находиться? Ведь сегодня там абсолютно неизвестный вам, чужой человек, и на первый взгляд это вас не касается. Однако уже завтра там может оказаться ваш родственник или близкий вам человек. К сожалению, тогда уже может оказаться поздно, чтобы задуматься об этом или попробовать что-то изменить или пред-

принять.

Вы спросите, зачем я задаюсь вопросом о потенциальном читателе. Думаю, ответ на этот вопрос прост: чтобы заинтересовать человека или попытаться достучаться до него, необходимо представлять себе портрет будущего читателя. Но я решил идти другим путем. Я постараюсь писать так, чтобы было понятно всем и главное так, как мне удобно донести до вас основную идею этой книги. Так что простите меня, знатоки высокой литературы, и будьте снисходительны к моему творчеству. Моя цель – донести до каждого, взявшего в руки эту книгу, все переживания, все чувства, все эмоции человека, оказавшегося там, где он никогда не мог оказаться. Во всяком случае, он так считал. Но ошибался...

Вы можете читать сейчас и думать: «Это все не про меня, я-то далеко от всего этого, и моя семья далеко, и дети, и родственники». Как я вас понимаю. Если бы несколько лет назад мне кто-нибудь сказал, что я столкнусь со всем этим, я бы рассмеялся в лицо и никогда бы в это не поверил. Ну разве может вполне законопослушный человек, обладающий высоким социальным статусом, материально обеспеченный, никогда не имевший проблем с законом, не участвующий в криминальных разборках, не агрессивный по характеру, работающий аудитором (бухгалтером), оказаться в тюрьме с довольно-таки большим сроком осуждения? Однако сейчас я сижу на тюремной шконке и пишу эту книгу.

Один день перевернул всю мою жизнь. Всего лишь один

день. В один день я потерял все, что имел, к чему стремился и ради чего жил тридцать лет. В один день я превратился из состоятельного бизнесмена, перспективного политика, человека, у которого была любимая работа, увлечение, любимая девушка, планы на создание семьи, друзья, у которого было все для хорошей жизни без больших проблем, в обыкновенного эка с перспективой ближайšie восемь лет провести за решеткой в местах не столь отдаленных. Я пишу вам это не для того, чтобы вы пожалели меня, а для того, чтобы вы задумались, настолько ли неизбежно ваше положение, насколько вы уверены в этом. Не зря на Руси говорили: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». На своем примере могу сказать вам, что это актуально и в настоящее время – время демократии, открытости, гласности, «справедливого» правосудия, сильной централизованной власти, исполнения законов и неизбежности конституции. Как бы хотелось, чтобы на самом деле все это было именно так. Однако, увы...

Эту книгу я писал в течение трех лет. Начал писать, находясь в тюрьме, а закончил, уже будучи заключенным колонии строгого режима. Написана она общедоступным языком без литературных изысков и высокохудожественных оборотов, поскольку, во-первых, хочу, чтобы она получилась жизненной и легко читаемой, а во-вторых, я и сам не обладаю глубокими знаниями в области написания книг, да и не претендую на это. Главная моя задача – попробовать донести до вас то, с чем мне пришлось столкнуться, что мне при-

шлось увидеть и пережить. Я не зря употребил слово «донести», поскольку я хочу, чтобы вы не просто знали эту информацию, а именно пропустили ее через себя, прочувствовали всей душой и разумом, прониклись атмосферой, царящей здесь, и никогда не испытали этого на себе. Это касается абсолютно всех, поскольку неважно, был ли ты здесь, можешь ли оказаться в будущем, но знать то, что здесь творится, ты просто обязан. Поскольку, хотим мы того или нет, но это жизнь огромной части нашего общества, часть устройства общественной и правовой системы нашего государства. Это касалось почти каждой семьи на протяжении нескольких поколений, а значит, это часть каждого из нас.

Цель этой книги – рассказать, что же на самом деле представляет собой тюрьма, да и все наше так превозносимое и повсеместно восхваляемое «правосудие». Я хочу, чтобы вы увидели все это сквозь призму моего восприятия, познакомились с этим потусторонним миром, о котором вряд ли кто-нибудь может написать и рассказать, поскольку те, кто прошел через это, стараются побыстрее забыть все как страшный сон, а те, кто не был здесь, могут лишь по рассказам знать об этом. А ведь рассказывают далеко не все. И не всегда так, как есть на самом деле. Да и кому они могут рассказать? Ну, родственникам, ну, друзьям, ну, может быть что-то знакомым – вот, пожалуй, и все. А остальные так и живут, не особо задумываясь, что такое тюрьма, и каково это – столкнуться с нашей системой правосудия. Пока это не коснется

их самих или их родственников и близких. И тогда человек начинает метаться в агонии, паниковать и ощущает полное бессилие и информационный вакуум. Он не знает, что ему делать, к кому обратиться, что его ожидает, чего ждать в будущем, к чему готовиться. И пока он прибывает в состоянии полной растерянности и уязвимости, этим охотно пользуются те, в чьих интересах не отыскать истину или разобраться объективно в ситуации, а именно утопить, зарыть человека, доказать его виновность во всем, в чем только можно, несмотря ни на что и не гнушаясь никакими методами.

Вся система нашего «правосудия» носит ярко выраженный обвинительный характер, а система исправительных учреждений на деле является карательной, и не надо испытывать иллюзий, что это не так. Это так и только так, потому что вся система выстроена именно таким образом и именно с такими целями. На это и будут направлены усилия следственных органов, прокуратуры, судов, тюрем и колоний. Именно поэтому все тюрьмы по стране переполнены и за любое, даже самое незначительное нарушение суд избирает меру пресечения «арест». В тюрьмах удобнее ломать людей, оказывать на них давление, изолировав от общества, выбивать нужные показания, шантажируя отказом в свиданиях и накручиванием максимального срока. В тюрьме возможно оказывать физическое воздействие и моральное давление, подсаживать в «пресс хаты» и многое другое, способствующее таким образом «раскрывать» преступления

и строить систему «правосудия» в правовом, гуманном и демократичном государстве.

После ареста человек полностью оказывается во власти правоохранителей, и они пользуются ситуацией и делают все от них зависящее, чтобы достичь желаемого результата. Вот для чего я хочу, чтобы люди об этом знали, и всегда были готовы к такому повороту судьбы, и чтобы выпавшие испытания не поломали их будущую жизнь. Я видел много людей, на которых было оказано колоссальное давление в первые дни нахождения в тюрьме. В результате их удалось склонить к таким поступкам и признаниям, которые они никогда бы не сделали, находясь в нормальном состоянии и в здравом уме. И поверьте мне, далеко не все люди на самом деле виновны и уж точно большинство из них не виновны настолько, насколько их обвиняют и осуждают.

Вы только поймите меня правильно. Я не пытаюсь защищать кого-то или оправдывать. Я считаю, что любое преступление должно быть расследовано и преступник обязательно должен понести наказание. Но раз уж мы живем в правовом государстве, и на каждом углу провозглашаем это, раз права человека для нас превыше всего, то и расследовать преступления, обвинять, судить и наказывать мы должны строго по закону, а не по настроению или желанию следователей и судей, не по указке сверху и не по необходимости получить заранее известный результат, чтобы улучшить показатели отчетности. А пока у нас будет разный закон для стороны об-

винения и защиты, пока у нас следствие будет вестись незаконными, нечеловечными, зверскими методами, которыми оно повсеместно ведется сейчас; пока места лишения свободы будут являться карательными учреждениями со своими порядками, правилами и законами, не имеющими ничего общего с общегосударственными; пока суды у нас будут носить обвинительный уклон и ни о какой презумпции невиновности не ведется и речи; пока адвокаты будут «договариваться» со следствием и «продавать» клиентов, ни о каком правосудии, ни о какой борьбе с преступностью не стоит и говорить. Этого не было в СССР, этого нет в современной России и, скорее всего, не будет в ближайшем будущем, если руководство страны не изменит в корне принципы работы правоохранительной системы и не пересмотрит приоритеты в поставленных задачах. Вот и получается, что надеяться можно только на себя, на свою информированность, на свои знания и способности предусмотреть любой жизненный поворот, на готовность к любым событиям, зачастую не зависящим от нас.

Еще один очень важный момент. В этой книге я умышленно не буду подробно касаться причин моего нахождения в тюрьме, поскольку это не имеет большого отношения к главной идее повествования. Косвенно я задеваю эту тему в письмах людям и различным органам власти, которые я опубликую в конце книги, и из которых становится понятна вся нелепость, абсурдность и незаконность моего обвинения.

Когда-нибудь я обязательно в подробнейших деталях опишу все дело, раскрою замыслы всех участников и интересантов процесса. Сейчас многие из них пошли на «заслуженные» повышения, занимают большие посты в Государственной думе, Совете Федерации, следователи прокуратуры стали судьями, продажные адвокаты являются уважаемыми авторитетными людьми. Вся эта история, на мой взгляд, заслуживает отдельного внимания и придания огласке. Я постараюсь приложить все усилия, чтобы все ее участники никогда ее не забыли и всю жизнь помнили о том, как они шли к своим регалиям по головам и судьбам людей. Во избежание нарушения закона, по совету издателя, я не указываю фамилии участников дела и должностных лиц, хотя уверен: это мало что изменит, и при желании читатель легко может сопоставить время и место происходящих событий, а участники опознают себя.

Книга построена исключительно на реальных событиях. Я посвящаю ее всем незаконно осужденным, заключенным нашей огромной страны и их семьям.

Я выражаю огромную признательность всем родным и близким мне людям, не оставившим меня в тяжелейшей жизненной ситуации, верившим мне, не поддавшимся на рассказы и сплетни желтой прессы и по сей день помогающим мне. Только благодаря вам мне удалось пережить все случившееся, не сломаться, не упасть духом, выстоять и продолжать бороться. Я никогда этого не забуду.

Огромное спасибо моим родителям – Надежде Степановне и Николаю Васильевичу, братьям – Роме и Андрею, двоюродному брату – Вячеславу, моей девушке – Ольге. Без вас я бы не смог остаться собой.

Пролог

Сейчас восьмое апреля 2006 года, где-то около девяти часов вечера. Я неспроста решил начать с этого момента, хотя нахожусь в тюрьме вот уже более двух недель, а точнее – с двадцать четвертого марта 2006 года. Тогда-то и начались все события *этой* жизни (так как вся моя жизнь теперь делится на *ту* – до задержания, и *эту* – после). Но только сегодня случилось то, что переполнило чашу терпения и что сподвигло меня на написание этой книги. Но обо всем по порядку...

Несколько минут назад нашему сокамернику Александру неожиданно стало плохо. Ему пятьдесят два года. В здешних условиях возраст особенно часто дает о себе знать. Еще недавно он был директором одного из лесхозов и довольно преуспевающим человеком. В результате внутренних разборок в лесной отрасли его конкурентам удалось засадить его в тюрьму и тем самым перехватить контроль над его предприятием. Официально он арестован по подозрению в экономическом преступлении, что в наше время с легкостью можно вменить абсолютно любому директору предприятия. Не факт, что в итоге его осудят, но имея прихваты в прокуратуре, можно с легкостью устранить человека, пусть даже и на время, засадив его просто по подозрению. А что будет дальше – посадят его или отпустят с условным сроком (без нака-

зания точно не отпустят), не так уж и важно. Невиновных у нашего правосудия нет по определению. Не может же следователь ошибаться при заведении дела, честь мундира как-никак. Важно успеть за «выигранное» время перехватить предприятие. А наш гуманный суд, не особо раздумывая, изберет меру пресечения – арест, не учитывая ни возраст человека, ни его здоровье, ни степень реальной социальной опасности. Просто посадят пока, а потом видно будет, нужно это было или нет. Если в итоге отпустят, то будешь прыгать от счастья и уж точно не будешь ни на что жаловаться, а если посадят – значит, правильно был арестован. Вот и вся премудрость, основанная на полной безнаказанности и безответственности за свои действия. В итоге такой подход может стоить человеку не просто седых волос, подорванного здоровья от испытанного стресса и постоянных переживаний, но и всей жизни. В любом случае, такие переживания ни в коей мере не способствуют продлению жизни.

Александр жалуется на сердце. Ему не хватает воздуха, бьет озноб, слабость, пытается глотнуть воздух, прислонившись к решетке. Надо что-то делать, но мы не знаем что и чем можно помочь. Ни лекарств, ни каких-либо других медицинских средств у нас нет, поскольку они запрещены в камере. Я не выдерживаю, срываюсь со шконки и подбегаю к двери камеры. Громко стучу и нажимаю на кнопку вызова коридорного дежурного. Через пять минут лениво подходит охранник. Он спокойно выслушивает мои возбужден-

ные объяснения, после чего медленно наклоняется к «кормушке» и неторопливо переспрашивает фамилию задержанного и что с ним случилось. Я, сбиваясь, говорю, что не помню фамилию, да и какое это имеет значение, если человеку плохо и надо срочно что-то предпринять, иначе может быть поздно. Он долго разглядывает сидящего на полу Александра, после чего переспрашивает, не обманываем ли мы его. В конце концов, сделав недовольное лицо, ключник неторопливо удаляется, пообещав позвонить корпусному и поинтересоваться, что можно сделать. Александр бледнеет на глазах, садится на скамейку, закрывает лицо руками и как будто плачет, во всяком случае, так кажется на первый взгляд. Слышны громкие вздохи, он пытается вздохнуть, словно задыхающаяся рыба. Прошло около десяти минут зловещей напряженной тишины – никакого движения. Я не выдерживаю и снова стучу в дверь. Еще минут пять непрерывного стука, и мы слышим недовольный крик охранника и матюги в наш адрес. Наконец он неторопливо подходит к нашей камере и орет, что он позвонил и ничем больше помочь не может. Да что же ты за человек такой?! Александр медленно сползает и ложится на пол. Ждем еще минут семь, после чего я колочу в дверь в очередной раз. Еще минут через пять появляется корпусной и орет, как мы его за...али, и чтобы мы не стучали в дверь как ненормальные. Открывается дверь, и сотрудник с нескрываемой усмешкой на лице спрашивает: «Ну, что тут еще у вас?» Спросив снова

ФИО, возраст и прочие данные, выслушав все перечисленные нами симптомы и жалобу на нехватку воздуха, говорит невозмутимо, что воздуха всем здесь не хватает и что нас сюда никто не звал. На мой вопрос о его фамилии спрашивает, зачем она мне, и говорит, что это тайна и мне незачем знать его фамилию. Тем временем, Александр, опираясь на стену, подходит к решетке двери и пытается объяснить, что у него случилось. Корпусной с неохотой говорит, что может вызвать скорую помощь со всеми вытекающими последствиями... Что за последствия – для нас остается тайной. Дверь закрывается, и мы остаемся в мучительном ожидании приезда скорой помощи. По реакции охраны понятно, что эта ситуация их не очень-то трогает и удивляет. Все молча сидят и тупо смотрят телевизор. Александр сидит на полу, положив голову на шконку и закрыв лицо руками.

Абсолютное безразличие к жизни заключенных, отношение как к скоту, презрение, унижение и полная беспомощность – вот лишь часть того, что испытывает человек, находясь в тюрьме. А ведь он еще не осужден, не доказана его вина, не проведено следствие, а значит, по закону он абсолютно невиновен! Но каждый, столкнувшийся с нашим «правосудием» после первых же минут, проведенных здесь, после первых разговоров со служителями закона понимает, что нет у нас никакой презумпции невиновности, нет уважения к человеку, нет прав и свобод, которые неприкосновенны, нет ничего, что свято в любой уважающей себя стране. С первых

минут ты **ВИНОВЕН**, и правоохранительные органы сделают все, чтобы это было именно так, стараясь по максимуму «повесить» на человека все, что только возможно. Ну, а если вам удастся доказать обратное, то это большая ваша удача и их недоработка, которую они воспримут как личное оскорбление и неудачное дело. Так что в России есть изначальная презумпция виновности всех и каждого, а потом уж как повезет... С первого дня нахождения здесь ты не человек, ты просто ЗЭК и сталкиваешься с этим изо дня в день, снова и снова. По любому поводу тебе будут напоминать об этом и давать почувствовать твою ничтожность, всячески унижая и оскорбляя тебя.

Александр учащенно дышит, нам становится страшно, но ничего сделать мы не можем, так и сидим, молча и переживая случившееся каждый сам про себя. А ведь завтра на его месте может оказаться любой из нас – это чувство еще долго не покидает и пульсирует в мозгу, вызывая подсознательный страх. Камера пронизана тревогой. Стучать больше не решаемся, нет смысла, да и опытные сокамерники пугают вероятностью загреметь в изолятор. Ждем! Проходит еще минут пятнадцать. Открывается дверь и на пороге появляется корпусной. «Ну, где он там?» – говорит корпусной. Александр тяжело дышит, пытается подняться с пола, встает, делает несколько шагов и чуть не падает. С трудом облачиваясь на раковину, пьет воду из-под крана и, опираясь на стенки камеры, выходит в коридор. Дверь с грохотом захлопыва-

ется, все оживляются и начинают обсуждать нечеловеческое отношение к людям и поразительное безразличие к человеческой жизни. Я молча сижу на своей «шконке» и понимаю, что это лишь начало того, с чем мне придется столкнуться в этой «новой» жизни. Надо привыкать к такому отношению и к таким порядкам. Я – ЗЭК, и, по всей видимости, это как минимум на ближайшие несколько месяцев, а значит и отношение ко мне будет подобающее, и плевать всем, виновен я или нет – какая разница, к черту нюансы...

Я беру листок бумаги, ручку и решаю описать все случившееся, пока не зная для чего, но точно зная, что хочу этого, и, несмотря на свою нелюбовь к гуманитарным наукам, неумение красиво излагать мысли, чувства и переживания на бумаге, я впервые очень хочу передать все это другим. Хочу, чтобы все узнали и смогли хотя бы отдаленно представить и проникнуться этим состоянием, узнать то, что творится в нашем правовом и справедливом государстве, о чем мы и не догадываемся, не сталкиваясь с этим в обычной жизни, лишь изредка читая что-то в прессе, но не обращая никакого внимания на то, с чем живут сотни тысяч людей по всей стране, не имея возможности противостоять властному произволу, а зачастую и просто не способные поделить своим горем и своей бедой с близкими и родными. Так и получается, что большинство людей пребывает в полном неведении (как и я раньше) и в полной уверенности в гуманности, справедливости и человечности нашего государства к своим

гражданам, в защищенности от возможного беспредела органов правосудия.

Это первая заметка, которую я сделал, находясь в тюрьме. С нее-то все и началось. Думаю, этот случай переполнил чашу терпения, и тогда я решил написать о том, что произошло со мной, с чем я столкнулся, что пережил, чтобы помочь всем взглянуть на тюремный мир изнутри глазами простого обывателя, не сталкивавшегося когда-либо с правоохранительной системой нашего государства и далекого от криминала, тюремных устоев и обычаев. Я постараюсь максимально доходчиво донести все переживания и эмоции, поделиться мыслями, возмущениями, удивлением и недоумением об всем происходящем здесь.

Через двадцать минут привели Александра. Ему вроде стало лучше. Сделали укол и отправили спать. Будем надеяться, что к утру все пройдет. Надо ложиться спать, поскольку несмотря ни на что в шесть утра общий подъем и надо хоть чуть-чуть поспать. Для себя усвоил: не стоит здесь заболеть – никто заботиться о тебе и лечить тебя не будет. Хотя разве могли быть другие варианты в этом заведении?..

В тюрьме все по-особенному, свои правила и порядки, своя иерархия и структура, свои права и понятия, свои обязанности у каждого, свое место и подобающее отношение со стороны других заключенных, свой особый стиль общения с сотрудниками и администрацией. Тюрьма – это особое место, где ты еще не осужден, не признан виновным юридиче-

ски, не наказан и по закону считаешься невиновным, но при всем при этом, ты изолирован от общества как социально опасный, и к тебе относятся как к зэку и уголовнику. Это место, где ты не имеешь права смотреть охранникам в глаза, а можешь только в пол, где руки должны быть за спиной, где на тебя могут орать без причины, и ты обязан выполнять любые команды, где тебя обыскивают, раздев до гола, и проверяют два раза в день; где ты ходишь в туалет там же, где ешь; где ты не имеешь права возражать и что-либо отвечать, где ты вообще не имеешь никаких прав. Начальник тюрьмы – «хозяин», царь и бог, все остальные представители администрации – полубоги, а ты... Да никто ты! Ты даже не животное в клетке, ты – НИКТО... Забудь, кем ты был в другой жизни, здесь ты просто ЗЭК.

О себе и о политической обстановке в городе

Меня зовут Воробьев Виктор Николаевич. На момент начала работы над книгой мне было 32 года (1976 года рождения). Свое тридцатилетие я встретил в одной из тюрем нашей необъятной родины. Никогда не забуду одинокий тортик на тюремном столе, который Ольга какими-то невероятными усилиями смогла передать мне в камеру. Как не забуду и ее силуэт, стоящий на табуретке и машущий мне рукой из окна лестничной клетки находящегося напротив тюрьмы девятиэтажного дома. Я махал ей в ответ, высовываясь сквозь ржавую грязную решетку, а из глаз ручьем текли слезы, и в голе стоял огромный ком, мешающий хоть что-то крикнуть ей в ответ. Много раз я представлял, как пышно и торжественно буду встречать свое тридцатилетие, но такого варианта я уж точно не мог себе представить. Я умышленно не уточняю, в какой именно тюрьме я находился, поскольку это не так уж и важно и не меняет сути дальнейшего повествования. Мои многочисленные беседы с обитателями абсолютно различных тюрем нашей страны привели к мысли, что практически везде ситуация однотипная, лишь с небольшими нюансами, зависящими от личностных характеристик ««хозяина»» тюрьмы. Рассказанное в этой книге

универсально и типично для любого региона России. Однако, обо всем по порядку.

Я имею два высших образования – техническое и экономическое, а также экономическую степень MBA (master of business administration) одного из ведущих российских университетов. По профессии я аудитор и до ареста возглавлял собственную аудиторскую фирму. Таким образом, как вы понимаете, я был довольно обеспеченным человеком, имеющим собственный процветающий бизнес и большие планы по его дальнейшему развитию.

Чтобы предупредить ваш вопрос и сомнения о том, как же можно к 28 годам иметь собственный бизнес, сразу напишу, что я не имею никакого отношения к криминалу и не являюсь чьим-либо ставленником. Все, чего я достиг, я достиг непосредственно сам, постепенно выстраивая «с нуля» и стремясь к этому, начиная с первого курса высшего учебного заведения. Всю свою жизнь я подчинил именно этой цели и поэтому в результате добился успеха. Конечно же, на первоначальном этапе становления компании не обошлось без помощи родителей. Вместе с полной моральной поддержкой я также получил небольшой стартовый капитал.

У нас была вполне обычная советская семья со средним достатком. Мама работала бухгалтером в больнице, а папа инженером в строительном тресте. В мои семь лет мы переехали в Архангельск, где я поступил в среднюю школу № 62. Все свое детство я провел в рабочем микрорайоне с назва-

нием Соломбала. У меня два младших брата, одному сейчас 29 лет, а другому 22 года. В общем, у нас была среднестатистическая советская семья, не испытывающая прелестей богатой жизни, но вместе с тем обеспеченная всем необходимым для нормальной жизни.

На момент моего ареста я жил со своей любимой девушкой – Ольгой. В ближайшее время мы планировали официально оформить наши отношения. Так уж получилось, что до этого вся жизнь была подчинена учебе, карьере, бизнесу, и поэтому на личную жизнь не оставалось времени. Детей у нас не было. В общем, как потом мне сказал следователь, я был идеальный кандидат для показательного дела с заранее известным результатом. Но об этом позже.

Началось все в марте 2005 года, когда, почувствовав в себе силы и желание участвовать в изменениях в жизни города, я баллотировался в депутаты Городского Совета города Архангельска и вопреки всем ожиданиям и всем прогнозам был выбран населением по одному из центральных округов.

История о том, каким образом в свои 28 лет мы с моим двоюродным братом, не имея ни опыта, ни известности, ни денег, ни покровителей, ни знаний об устройстве властных структур и механизмов управления городом, смогли обойти более тридцати самых известных и популярных людей в городе, заслуживает отдельного упоминания.

В то время в Архангельске во многих сферах настолько назрела кризисная ситуация, что в воздухе просто веяло же-

ление перемен. На волне перемен в мэры города выдвинулся никому не известный тридцатипятилетний предприниматель из сферы торговли Александр Донской. Никто не рассматривал его серьезно, и его предвыборная кампания напоминала нелепый фарс на фоне маститых и известных людей города, которые годами участвовали в выборах и занимали все самые значимые посты. Часть людей из того же круга «для страховки» шла и в депутаты Городского Совета.

Поскольку, как я написал выше, мы решили попробовать свои силы на политическом поприще, но абсолютно не обладали никакими знаниями, с чего начать, мы обратились к некоторым кандидатам в мэры города с предложением идти с ними одной командой по одному из округов города. При этом мы прямо говорили о желании многое поменять, о существующих, на наш взгляд, проблемах в руководстве городом, о том, что мы будем на самом деле работать с людьми и после предвыборной кампании, и многое другое в том же духе. Естественно, нашим условием была обязательная полная финансовая и идеологическая независимость как при реализации предвыборной кампании, так и в дальнейшем. Мы понимали, что, воспользовавшись их деньгами, мы будем марионетками, а именно этого нам хотелось меньше всего. От каждого округа проходило по три кандидата. Поскольку нас никто не знал, а денег у городских воротил хватало не на одну тройку своих ставленников, никто не стал с нами даже разговаривать. Каждый кандидат в мэры повел по несколь-

ким округам «своих» ставленников за свои деньги и рассчитывал в перспективе усилить собственные позиции в горсовете за счет продвижения своих людей. Однако мы все же нашли поддержку наших взглядов у Александра Донского. Возможно потому, что он шел с таким же желанием радикальных перемен, и он не боялся говорить об этом открыто, тем самым выгодно отличаясь от всех остальных кандидатов. В результате мы договорились: раз у нас общие планы и взгляды на необходимость перемен, мы будем позиционировать себя командой молодого перспективного кандидата в мэры города Архангельска. При этом он попросил нас взять к себе в команду одну свою знакомую – не пропадать же третьему месту среди возможных депутатов от округа. На этом наше взаимодействие с ним закончилось. Он вел свою кампанию, мы вели свою, но присматриваясь к тому, что делает он и отчасти советуясь с его специалистами по предвыборным кампаниям.

В итоге мы все сделали по законам жанра (буклеты, билборды, наклейки на транспорте, заметки в газетах и многое другое) и успешно проиграли кампанию. Это был полный крах надежд и планов. Надо сказать, что в запале проведения предвыборной кампании мы настолько уверовали в возможность победы, что поражение, которое на самом деле было закономерным для таких новичков и дилетантов, показалось нам чем-то неестественным. В результате мы остались без денег, с долгами и с отчаявшейся командой единомыш-

ленников. Немного утешало то обстоятельство, что победил кандидат «Против всех». Мы заняли двенадцатое и тринадцатое место в списке кандидатов. Через два месяца были назначены перевыборы.

Донской же, в отличие от нас, выиграл с ошеломляющим отрывом от других кандидатов, чем создал в городе сенсацию и вызвал полное смятение в правящих верхушках. Его победа не нужна была никому ни в городе, ни в области. Своей победой он ломал исторически сложившуюся вертикаль власти в регионе и являлся угрозой для финансово-олигархических структур и кланов. У нас оставался шанс прийти к Донскому и попросить его поддержать нас на перевыборах. С его рейтингом и с его поддержкой среди населения он мог бы просто указать на нас со словами «Эти парни нужны мне в горсовете, поддержите их», – и мы бы легко прошли. Именно так мы и сделали. Мы пришли к Александру, поздравили его с победой и стали обсуждать возможные варианты сотрудничества. Однако Донской в свойственной ему прямой манере объяснил нам, что в данной ситуации он прекрасно осознает возможность провести в горсовет кого угодно, и ему нет никакой надобности проводить именно нас, поскольку мы не являемся стопроцентно его людьми и конечно же не согласимся выполнять все его распоряжения. Тут он был абсолютно прав. Более того, он попросил нас не идти больше под эгидой его команды, а лучше вообще не идти и не мешать проводить его людей. В итоге он повел совершенно других

людей по нашему округу, и нам пришлось виртуозно изощряться перед избирателями, объясняя, почему теперь мы не являемся одной командой с вновь избранным мэром-реформатором. С этого и началось его прагматичное во всех смыслах этого слова правление в городе. Естественно после этого наши с ним отношения стали прохладными, если не сказать враждебными.

Несмотря на такой удар и еще одно препятствие, мы все же решили идти до конца, хотя это была абсолютно авантюристичная идея, скорее, шаг отчаяния. Поскольку денег у нас не осталось, нам было нечем платить людям и не на что делать предвыборные материалы. Вариантов было немного. Мы решили распечатать на принтере объявления о том, что мы будем приходить на встречи с людьми в каждый двор своего округа в течение оставшихся до выборов двух месяцев, лично выслушивать все проблемы людей, а также предлагать конкретные пути и сроки их решения. Вечером после работы мы расклеивали объявления по нескольким дворам, а на следующий день мы шли в эти дворы. Сначала люди с недоверием относились к нашему приходу. Мы вставали, как правило, посередине двора, к нам подходило по паре человек, потом подтягивались еще несколько, потом выходили те, кто смотрел в окна и так далее. Затем начиналось самое интересное. На нас просто налетали с негодованием, злостью, ненавистью ко всем депутатам в нашем лице, нас обвиняли, называли ворами, хапугами, люди вываливали все свои беды

и проблемы, нас вели в квартиры и заставляли лезть в канализационные трубы, в гнилые воздуховоды, заглядывать под полы, нюхать вонь в квартирах, смотреть на гнилые стены деревянных домов и многое другое. Ежедневно мы проводили по нескольку встреч. К концу второго месяца организм не выдержал, и я слег с температурой.

Все это было очень тяжело. Тяжело было больше не физически, а морально. Как мы могли объяснить людям, почему так происходит? Как мы могли убедить их в том, что можем что-то изменить, если мы и сами не знали этого. Но одно мы все же пообещали и слово свое сдержали. Мы создали приемную в округе и каждый дом выбрал ответственного представителя от своего дома. Люди всегда могли рассказать нам о всех своих бедах и проблемах, а мы сразу подключались к их решению без бюрократических проволочек. Приемная существует и по сей день, и эта схема взаимодействия работает как часы. Стоит ли удивляться, что мой брат уже больше 17 лет является депутатом, и никто ни в одну из предвыборных кампаний не мог даже близко соперничать с ним в округе, не зависимо от какой партии он шел, и кто его продвигал. При этом никаких специальных предвыборных действий он не предпринимает и не выбрасывает деньги на буклеты и другие рекламные материалы, которыми заваливают людей его конкуренты.

Как вы уже поняли, в результате мы победили на выборах. Причем победили с приличным отрывом от соперников. С

нами в тройку попал еще один очень приличный и честный человек, поэтому у нас была идейно очень сильная команда депутатов от округа. После выборов очень многие из бывших кандидатов пытались узнать, как нам это удалось, откуда у нас административный ресурс, кто за нами стоит, с кем надо договариваться о принятии того или иного решения, и какие наши интересы в городе. Они сильно удивлялись, узнав, что мы полностью самостоятельны и никого за нами нет.

После этого мэр попытался наладить с нами отношения, предлагая сотрудничество в продвижении его вопросов, но отношения были уже испорчены, и мы согласились поддерживать его инициативы, но только в том случае, если они нам покажутся правильными и не будут расходиться с нашими представлениями о необходимых изменениях. На этом мы с ним и расстались. Как я узнал позже, он затаил на нас сильную обиду. Его люди не прошли ни по одному из округов, поэтому он не имел никакой поддержки своих решений в горсовете. Ему приходилось договариваться с депутатами, которые в большинстве своем представляли «старую» гвардию и не хотели поддерживать его в начинаниях, какими бы они благими не были. У них была одна задача – подмять его под себя и под областные власти. Все это потом окажет влияние и на мою судьбу, поскольку все мое дело будет являться элементом борьбы за сферы влияния в городе между горсоветом, мэром и областной администрацией. Примерно через год, уже после случившегося со мной, будет большой скан-

дал на всю страну, и мэра Донского бесславно вынесут под съемку на видеокамеры в одних трусах из своего дома и из политики навсегда.

Ну а мы начали выполнять свои обещания перед людьми и задавать тон в инициировании изменений в городе. Это не всем нравилось даже среди депутатов, поскольку на нашем фоне им тоже приходилось работать с людьми в своем округе, а это было не принято. Я лично много встречался с жителями города, общался, выслушивал, помогал им в решении насущных проблем, подсказывал выходы из всевозможных тяжелых жизненных ситуаций – одним словом, жил насыщенной общественной жизнью, не считаясь с личным временем и интересами. Я чувствовал себя полезным и нужным людям, и это доставляло мне огромное моральное удовлетворение. Я понял, что это то, чем я хотел бы заниматься в жизни, поэтому и стал уделять общественной работе гораздо больше внимания, чем всему остальному.

Еще на стадии предвыборной кампании я впервые столкнулся с «черными» технологиями, потоками грязи и черни, с завистью друзей и ненавистью соперников, с закулисными интригами политиков и кандидатов в депутаты. Именно тогда я приобрел первых настоящих сильных и могущественных врагов. Тогда я впервые окунулся в грязь и болото политики, но меня это не остановило, а наоборот подтолкнуло к познанию и завоеванию чего-то неизвестного и недоступного. Да и желание быть причастным к изменениям в городе

и хоть что-то изменить к лучшему в жизни людей подталкивало меня вперед.

Справедливости ради надо отметить, что только родителей несколько не радовали мои новые интересы и желания. Мама как будто предчувствовала беду и всеми возможными способами пыталась отговорить меня от этой затеи, понимая, во что я ввязываюсь. Но разве мы слушаем кого-то, когда цель так близка и ты полон сил и энергии перевернуть этот мир или, как минимум, изменить его к лучшему? Тем более, не буду кривить душой, мой новый социальный статус мог помочь мне ощутимо улучшить и развить дела моей собственной компании, а также защитить ее от нападков конкурентов и власть имущих нашего города. К тому времени такие попытки уже неоднократно применялись. В приобретении статуса депутата я видел в том числе неплохой вариант одним выстрелом убить нескольких зайцев.

Все произошедшие события, о которых я хочу вам рассказать, неразрывно связаны с процессами, происходившими в то время в государстве. А в государстве активно шла кампания по борьбе с коррупцией, и под эту кампанию заинтересованные лица на разных уровнях власти убирали различных неугодных лиц. Чего стоили одни только повальные аресты мэров по всей стране. Естественно, что и следственные органы, и прокуратура, и суды были заинтересованы в громких делах в регионах в угоду политике, проводимой центральной властью. Таким образом происходила спайка интересов раз-

личных политических группировок, региональных финансовых групп и властных структур. При помощи такого совпадения интересов в дальнейшем я смог ощутить на себе все прелести нашего «правосудия», а заодно столкнуться со всеми фактами, описанными в этой книге.

Итак, теперь я был выбран депутатом и мог официально приступить к преобразованиям в округе и к работе совместно с чиновниками на благо жителей города. Мне и моим коллегам, двум депутатам по нашему округу – Дмитрию Акишеву и Вячеславу Широкому, удалось развернуть активную работу и привлечь к решению проблем как жителей, так и чиновников. За один год активной работы нам удалось решить больше проблем округа и конкретных людей, чем бывшим депутатам и чиновникам за несколько лет до нас. Однако не всем была по душе активная позиция вновь избранных депутатов и влияние, которое мы стали оказывать на людей и в целом на жизнь города. Естественно это вызвало сильное недовольство и негодование чиновников мэрии и конечно мэра, поскольку никогда и никто из бывших депутатов не пытался контролировать деятельность работников мэрии и администрации округа, а тем более не пытался разобраться в ситуации в городе и в причинах повсеместного развала и разрухи.

Для того, чтобы работа в округах была более эффективной и результативной, я выдвинул предложение о создании в рамках горсовета контрольно-ревизионного органа, кон-

тролирующего деятельность различных департаментов мэрии и администраций округов. Это предложение нашло единодушную поддержку среди депутатов и вызвало огромное негодование среди руководителей мэрии и конкретно у мэра. Несмотря на это я занялся подготовкой нормативных документов и дальнейшей разработкой этого предложения. Таким образом, я забил еще один гвоздь в гроб своей дальнейшей политической деятельности.

В других округах ситуация была схожая. Практически повсеместно возникли конфликтные ситуации между вновь избранными депутатами и мэром города, боящимся потерять власть и полномочия по управлению городом и его ресурсами. На фоне всего происходящего особенно обострилась борьба за власть и первенство между мэром города и председателем горсовета. Главы обеих ветвей местной власти пытались всеми возможными способами дискредитировать деятельность друг друга, перетасщить как можно больше полномочий на свою сторону, активно охотились за компроматом и устраивали подковерные интриги. В общем, использовали весь арсенал политических боевых действий, присущих любым политикам в любом городе России. Стоит ли уточнять, что за каждым из политиков стоят определенные властные структуры и финансовые группировки с обширными связями и контактами в правоохранительных структурах, судах, прокуратуре, в управлении федеральной службы исполнения наказаний, в ФСБ и так далее.

Не буду вдаваться в дальнейшие подробности случившегося, опишу лишь общими фразами. В результате хорошо спланированной, срежиссированной, подстроенной мэром города и его приближенными провокации, направленной против депутатов и лично председателя горсовета, я оказался втянут в скандальную коррупционную историю. В результате дальнейших разборок и договоренностей между покровителями председателя горсовета и мэра эту ситуацию удалось разрешить. Стороны пришли к договоренности и вывели из-под удара председателя горсовета. Победа осталась за мэром, и он мог диктовать любые условия разрешения конфликта.

Однако во времена «охоты на ведьм» эта история не могла пройти бесследно. Я имею в виду кампанию, объявленную президентом по борьбе с коррупцией. К этому также добавилось безграничное желание прокуратуры и других правоохранительных органов нашего региона отрапортовать перед центром о выполнении поставленных президентом задач по искоренению коррупции, а кому-то заодно и продвинуться по службе. В общем, в такой ситуации должен был появиться «крайний», на которого всемогущая прокуратура и повесила бы всех собак, а остальные просто закрыли бы глаза на все происходящее и высказали бы свое осуждение и негодование по поводу произошедшего. Все остальное было бы уже делом техники. Долго искать не пришлось, поскольку оставался только один человек, устранение которого устраивало и

мэра, и все заинтересованные стороны. К тому же, этот человек не имел влиятельных покровителей. И этим человеком, как вы уже догадались, был я, потому что для всех участников я оказался просто «идеальным» кандидатом на эту роль.

День первый

Утро двадцать второго марта две тысячи шестнадцатого года было просто великолепным. Прекрасное солнечное утро. Я встал пораньше, поскольку впереди был долгий и насыщенный трудовой день. Сегодня начиналась двадцать четвертая сессия Архангельского горсовета, депутатом которого я являлся.

Но вот уже 10 часов утра. Я еду за рулем своей машины. Рядом со мной сидят оперативники. Один на переднем сидении и двое на заднем. Мы едем абсолютно молча. Полчаса назад меня задержали сотрудники управления по борьбе с организованной преступностью. Так вышло, что я сам себя везу в УБОП, поскольку меня поставили перед выбором: либо на моей машине, либо меня посадят насильно в узик и повезут в управление. Я интересуюсь, где находится УБОП. Оперативники с изумлением и издевкой в голосе (типа, мог бы и знать) называют мне адрес: Карельская, 37. Я не переспрашиваю, хотя не сказал бы, что это очень популярная улица в городе, но где она находится, примерно знаю и еду в том направлении. На улице солнечно и по-весеннему тепло. Грязный снег от впереди идущих машин попадает мне на лобовое стекло, и мои «дворники» со скрипом растирают грязь по стеклу. Я тупо смотрю сквозь грязное стекло и, кажется, не вижу ничего вокруг. Странное чувство испытываю

я в этот момент. Это не страх, не растерянность (она вроде прошла уже) и даже не боязнь неизвестности, а какое-то чувство полнейшей отрешенности, как будто это все происходит не со мной, все как-то нереально, а может просто мозг отказывается принимать происходящие. Я еду на полном автомате, совершаю обгоны, повороты, стою на светофоре, смотрю на прохожих, после чего в полном оцепенении еду дальше, еду к началу чего-то, еще не осознаваемого, нереального и абсолютно неизвестного. Где-то в голове проскакивают мысли о маме, о уже начавшейся сессии горсовета, об Ольге и еще много всего, пролетающего мимолетно и не задерживающегося в голове. Все посещающие меня мысли какие-то невыразительные, несерьезные, что ли, и я стараюсь не обращать на них внимания, а пытаюсь сосредоточиться на происходящем. Но на уровне подсознания я точно уверен: чтобы там ни случилось, через час или два я освобожусь и сразу позвоню всем. А дальше... А дальше не важно, потом и буду решать и обязательно что-нибудь придумаю. Я точно знаю, что все обязательно образуется. Как только пройдет оцепенение, все обязательно решится, и я все объясню, ведь я-то знаю, что это недоразумение, или ошибка, или шутка, или еще Бог знает что. Однако, пардон, я же обещал не впутывать сюда подробности причин моего задержания. Так что постараюсь не отвлекаться от намеченного плана повествования.

Через несколько минут мы подъезжаем к зданию УБОП. Я выхожу, закрываю машину, взяв с собой паспорт, и вместе

с оперативными работниками поднимаюсь на 3 этаж. Меня проводят в небольшой кабинет. Один оперативник остается со мной, остальные молча куда-то уходят. В здании довольно-таки тихо, лишь иногда проходит кто-нибудь по коридору или слышно, как кто-то переговаривается в кабинетах. Раньше я совсем не так представлял себе это место. Я представлял, как в кино, кишашие людьми коридоры, спящих оперативников и все атрибуты добротного боевика или какого-нибудь советского детектива.

Оперативник, сидящий со мной, по всему видно, очень доволен проделанной работой и ее результатом. Он покачивается в кресле, улыбается, иногда выходит в коридор и обменивается фразами с проходящими мимо коллегами, смеется и шутит. Затем снова садится в кресло, напевая какую-то незамысловатую мелодию, открывает на компьютере пасьянс и неторопливо, по всей видимости, не вдумываясь, начинает переключать карты. В кабинет периодически заходят люди, но, видя, что сидящий со мной сотрудник не один, что-то ему показывают и поспешно удаляются. Так мы сидели минут двадцать. Закончив очередную игру, он разворачивается ко мне и как бы невзначай начинает рассказывать, как долго подготавливалась операция, как тщательно планировалась, что им известно все и что, конечно же, гораздо лучше рассказать им обо всем и тем самым облегчить свою участь. На фразе о том, что признание вины облегчает участь, он сам смущается и произносит ее извиняющимся

тоном, вероятно, понимая, насколько нелепо это звучит.

Я смотрю на него с пониманием и мотаю головой в знак того, что я слышу его и разделяю его обеспокоенность моей участью, и даже размышляю над всем вышесказанным. После 10 или 15 минут монолога он понимает, что сказать больше нечего и отворачивается к монитору продолжать свою глубоко интеллектуальную игру. Подождав еще минут пять, я спросил, чего собственно мы ждем, и когда мне можно будет позвонить. Оторвавшись от монитора и явно обрадовавшись моему вопросу, он объяснил мне, что мы ждем следователя по особо важным делам из областной прокуратуры, и что с минуты на минуту он будет здесь, после чего начнется допрос. А что делать дальше, мне объяснит следователь. Однако сейчас мне будет необходимо ответить на вопросы оперативных работников из управления, после чего я буду передан следователю.

Время от времени в кабинет заглядывают участники моего задержания и довольно недвусмысленно интересуются, проинформировал ли меня сотрудник о том, как я могу облегчить свою участь. На что мой опер отвечает, что все подробно объяснил Виктору Николаевичу, но пока Виктор Николаевич не изъявляет желания о чем-то разговаривать. К нам подсаживается еще один опер и произносит точь-в-точь ту же речь, из которой дополнительно я узнаю, что милиция никогда не дремлет и стоит на защите интересов людей. Примерно через час в кабинет входит новый сотрудник с ли-

стом бумаги и поясняет, что он должен составить протокол задержания, а я должен дать пояснения. Помня, что обычно в фильмах и в рассказах я должен поинтересоваться про адвоката, я спрашиваю об этом. С недовольным видом он поясняет, что адвоката мне разрешат вызвать только после приезда следователя, и уже он будет решать можно или нет. Давать показания я отказываюсь из элементарной осторожности и боязни сделать, что-то не так. Первый раз закрадывается мысль, что это серьезно, и теперь надо думать над каждым словом и каждым шагом.

Первый допрос

Невозможно в полной мере описать всю палитру чувств и эмоций, которые я испытывал в течение этих нескольких часов ожидания следователя. Панические мысли сменялись голосом разума, который вполне логично объяснял, что меня допросят и отпустят, ведь не могло же быть, что меня задержат и не дадут даже заехать домой переодеться, или увидеться с родственниками. В любом случае скоро все закончится, а потом разберутся и обязательно все решится, ведь не могут не разобраться. Мой телефон разрывается от звонков. Звонят из горсовета, они меня, естественно, потеряли. Уже несколько часов идет сессия, а меня нет. На звонки отвечать мне строго запрещают. Вот и заветное смс сообщение от Ольги. Исхитряюсь ответить, что очень скучаю, но больше не удается ничего написать. Охранник смотрит подозрительно, и такое впечатление, что только и ждет моего непослушания.

Вообще вид всех оперов говорит о том, что они разочарованы процедурой задержания. Я бы выразился «не добились». Взятие было очень тактичным, поскольку вероятно было указание брать аккуратно. Не было криков, сопротивления или ругани. Все прошло тихо и спокойно. И опера все время смотрели, чтоб я чего-нибудь не сделал случайно и не спровоцировал их. Это и был для них единственный момент

разочарования, зато все остальное прошло «на ура»!

Очень хочется в туалет. После моей просьбы идем вместе с сотрудником. Он заходит со мной и смущенно говорит, что он посмотрит, и чтобы я дверь не закрывал. Как бы оправдываясь, попутно рассказывает истории о том, что когда-то кто-то выпрыгнул из окна третьего этажа. Посмотрел бы я на этого человека. Стараюсь не забивать голову всякими историями, и без того в голове такой компот, что ничего уже не лезет. Через полчаса мне сообщают о приезде следователя и о том, что теперь все и начнется. В коридоре раздается фамилия Кулиманов и где-то в подсознании мелькает мысль, что я уже слышал эту фамилию. По пути в кабинет в коридоре я вижу... Я вижу своего бывшего однокашника! Ничего себе, что он здесь делает? Работает или его тоже сюда привезли? Даже как-то неудобно встретиться в таком месте. Вот лишь некоторые мысли, посетившие меня в тот момент. Каково же было мое удивление, радость, и какое облегчение я испытал, узнав, что это и есть следователь по особо важным делам прокуратуры Кулиманов! Теперь-то уж точно во всем разберемся, и мне удастся объяснить и рассказать, как все было на самом деле. Мы здороваемся за руку, и я прохожу к нему в кабинет. Чувство неловкости повисает в воздухе.

– Вот так встреча! – говорю я.

– Да уж, – нерадостно отвечает он.

Мы садимся по разные стороны его стола и начинается допрос.

– Надеюсь, ты понимаешь, во что ты вляпался?

– Если честно, еще не совсем, но понимаю, что ничего хорошего.

– Это уж точно. Дело очень серьезное. Кофе будешь?

– Давай, было бы неплохо. Когда я смогу освободиться?

– На, почитай пока.

Сует мне бумагу, где описаны обстоятельства моего дела, в чем меня обвиняют и почему задержали.

– Это же полнейшая чушь!

– Вот и будем разбираться.

– Что мне надо сделать? Я должен, наверное, вызвать адвоката?

– Да, думаю, он будет тебе необходим. У тебя есть кто-нибудь знакомый?

– Да, ты знаешь, никогда не сталкивался, не приходилось как-то. Нет. Знакомых адвокатов точно нет. А можно позвонить родственникам, чтобы они вызвали?

– Нет. Либо сам, либо мы тебе обязаны предоставить.

– Может, ты мне по знакомству, не как следователь, а как знакомый порекомендуешь кого-нибудь?

– Хорошо, сейчас подумаю... Есть один неплохой адвокат, бывший прокурор, так что свое дело знает.

Я наклоняюсь к нему и полушепотом говорю:

– Саша, только мне нужен хороший адвокат, а не ваш...

Ну, ты меня понимаешь?

– Конечно, я же как знакомый тебе рекомендую, а не как

следователь.

– Спасибо. Звони ему.

После этого был длинный бессмысленный разговор с «дружеским» объяснением, что от меня надо и на что я должен согласиться для облегчения своего положения. Конечно же, я не стал давать никаких «нужных» показаний и тем самым определил свою будущую судьбу.

Я не зря привел начало нашего разговора. В дальнейшем я еще не раз его буду вспоминать и удивляться, как же я мог ему поверить? Это же система, и он ее часть. И не пришла мне тогда мысль, что не зря на это дело поставили моего знакомого, хорошо известного в узких кругах великого махинатора и подтасовщика, а только за тем, чтоб расположить меня, склонить к нужным действиям и «упаковать» по полной.

Это была моя первая и самая большая ошибка. Зато это послужило самым поучительным уроком мне на будущее. Никогда не верь стороне обвинения, независимо от того, кто ее представляет, как не верь и тем, кого она подсылает (я имею в виду адвоката, который еще сыграет свою роль в этом деле). И еще, в результате этой малоприятной беседы я понял одну очень важную и страшную мысль. Меня уже не отпустят. То есть совсем не отпустят, не дадут даже заехать переодеться, увидится с родными, не дадут сообщить родителям, а главное – Ольге. Значит, я не смогу даже на несколько минут увидится с ней, чтобы успокоить ее и подбодрить. Как же она переживет такую новость и как отнесется к это-

му? Эта мысль угнетала и пугала меня больше всего. Всего остального я еще не осознавал, а это уже осознал, и тогда эта мысль приводила меня в ужас. Это было первое ясное и отчетливое чувство, которое я испытал в тот момент.

Скоро на меня наденут наручники, и я поеду в этот далекий путь, где мне придется столкнуться с чем-то чужим и незнакомым, с тем, с чем я никогда не мог, как я думал, столкнуться в своей жизни. Это было настолько нереально, как полететь на луну, или даже еще нереальней, но это случилось, и теперь мне нужно с этим свыкнуться и жить дальше. В следующий раз я увижу свою девушку только через полгода во время часового свидания в следственном изоляторе, через стекло. А до этого нам запретят даже созвониться. Однако тогда в голове, где-то билась мысль, что все-таки сейчас что-то произойдет и все наладится, встанет на свои места. Ведь все должно образоваться.

В дальнейшем мы еще не раз будем встречаться со следователем прокуратуры Кулимановым в стенах следственного изолятора. Он будет приходить с целью добиться необходимого результата следствия. Но никаких приятельских разговоров больше не будет, поскольку каждый будет понимать свою роль и свое место в этом деле. Пораженный и шокированный методами и способами его работы, я буду неоднократно обращаться с жалобами и ходатайствами в вышестоящие инстанции, но все будет тщетно. Правда, в середине следствия его снимут с моего дела и заменят еще более

высокопоставленным следователем Шабариным. Именно он впоследствии будет вести дело мэра Донского. Но никаких ощутимых изменений в моем деле в связи со сменой следователя не последует.

После того, как следователь позвонил своему подставному адвокату, он разрешил мне позвонить родственникам и рассказать о случившемся. На мой вопрос о том, смогу ли я после допроса быть свободен, он сказал, что навряд ли, и скорее всего, теперь я долго не смогу увидеться с родными, поскольку буду арестован и помещен в изолятор временного содержания. В дальнейшем суд определит целесообразность моего содержания под стражей. Он сразу пояснил, что сам никаких решений по этому делу принимать не может и вынужден выполнять распоряжения сверху, поскольку дело лично контролирует прокурор области и только он лично может принимать какие-либо решения.

Я решил позвонить своему двоюродному брату, поскольку важнее в тот момент было принять взвешенное решение без эмоций, нежели вступать в эмоциональный разговор с Ольгой или родителями. Славик подтвердил мои предположения, что в ближайшие несколько часов своего адвоката нам не найти, поскольку близко знакомых и надежных у нас нет. Сошлись на том, что он займется поисками и, конечно, оповестит всех моих родных о случившемся и успокоит, насколько это возможно. Однако весть о моем аресте так быстро облетела город и даже вышла в интернет, что уже через

несколько часов после задержания еще ничего не знавшей Ольге позвонила моя знакомая из Москвы и рассказала, что прочитала новость в интернете. Сначала Ольга не поняла, о чем речь, и посчитала это за розыгрыш, но после разговора со Славиком все подтвердилось.

На время моего разговора с братом следователь учтиво вышел из кабинета, предупредив, что у меня только один звонок и даже по знакомству он не может отступить от правил. Меня удивило, что на столе он оставил свой мобильник. Позже я догадался, что он включил режим записи разговора и, соответственно, знал все, о чем мы разговаривали и что собирались предпринять. Но тогда я не задумался об этом и поэтому продолжал верить в искренность его сочувствия и предоставление мне хорошего адвоката. Всякий раз, вспоминая об этом, не устаю удивляться, насколько я был наивен и глуп. Хотя не будь я таким на тот момент, то вообще ничего не произошло бы, а значит, за свое и получил в итоге.

После нашего разговора прямо у следователя в кабинете я сдал ему все ценные вещи: часы, бумажник, ключи и даже галстук. Меня посадили в уазик и в сопровождении двух оперативных сотрудников и следователя повезли в отделение милиции Ломоносовского района. По дороге оперативники заехали в торговый павильон и спросили, не надо ли что-нибудь заодно и мне купить. Я попросил купить сникерс и бутылочку воды, предполагая, что поесть мне еще долго не удастся. Из-за переживаний есть я не хотел и поэтому поло-

жил сникерс в карман на будущее.

Приезд в изолятор временного содержания

В Ломоносовском отделении Управления внутренних дел (УВД) меня заставили раздеться догола, вынули все из карманов, осмотрели меня на предмет синяков и ушибов, вынули шнурки из ботинок, ремень, выдали шапочку заключенного и посадили в камеру дожидаться специальную машину для этапирования в изолятор временного содержания. Забавно, должно быть, я смотрелся в костюме, в ботинках без шнурков, в спадающих брюках без ремня и зэковской шапочке на голове. Сотрудники негромко переговаривались между собой и до меня доносились обрывки фраз, из которых становилось понятно, что говорили они обо мне, обсуждая подробности случившегося и всю необычность ситуации.

Через несколько часов, надев наручники, меня с заднего двора здания посадили в милицейскую «буханку» и повезли в изолятор временного содержания в соседний небольшой город. Со мной ехали еще двое арестованных молодых парней. Мы молчали, и каждый думал о своем, в очередной раз прокручивая в голове все произошедшее за сегодняшнее утро и планируя свои ближайшие действия.

Был красивый весенний солнечный день. Таким он на дол-

гие годы и отпечатался в моем сознании. Я смотрел на улицу сквозь решетку уазика, все еще не до конца осознавая происходящее. Дорога была недолгой. Заехав по дороге еще куда-то и забрав еще одного парня, около 17 часов мы подъехали к ИВС. Выйдя друг за другом из машины, по приказу опустив головы, мы прошли в здание ИВС. В коридоре нас поставили лицом к стене, после чего по очереди завели всех в помещение, в котором распределяли по камерам временного содержания. Почти сразу нас стали по одному вызывать для досмотра и дальнейшего размещения. Очередь дошла до меня.

В помещении стояло несколько сотрудников ИВС. Дежурный приказал мне раздеться и также осмотрел меня на наличие синяков, наколок и других особых примет на теле. По всей видимости, они были осведомлены о том, кого к ним направили, поскольку смотрели на меня и усмехались, перешептываясь между собой. Однако ярко выраженной агрессии или неприязни никто не проявлял. Я молча повиновался всему происходящему и находился в полном стопоре и оцепенении. За один день случилось столько, что я уже не воспринимал происходящее и ждал только одного – конца дня. Помимо этого, я уже испытывал чувство голода, поскольку с утра ничего не ел. Теперь это давало о себе знать. Однако поесть в этот день так и не удалось. Со временем я настолько углубился в свои размышления, что чувство голода припустилось и вскоре совсем исчезло. Еще через пару минут я

был сопровожден в камеру.

Первый раз в жизни я оказался в таком помещении. Я, конечно, имел представление о камерах, поскольку, как и все, смотрел фильмы, читал книги и пытался представить себе вид камеры, но то, что я увидел там, поразило меня до глубины души. Впоследствии я узнал, что это помещение – одно из самых жутких, поскольку арестованные находятся там лишь сутки или двое, поэтому никто не заботится о его состоянии.

Попробую описать, хотя вряд ли получится передать ощущение смрада, грязи, мерзости и отвращения, возникающее при входе. Это небольшая камера (примерно 4 на 5 шагов), с грязно-серыми стенами, в копоти и с грязно-ржавыми подтеками, покрытые бетонной «шубой». Справа от двери находилась не отгороженная от остального помещения, грязная, загаженная, вся в ржавчине, встроенная в пол «параша». Что-то подобное раньше можно было увидеть в общественных туалетах на вокзалах. В «парашу» была направлена труба с вентилем на конце. Это служило смывочным устройством и одновременно источником воды в этом помещении. В воздухе стоял страшный смрад – смесь курева, пота, пыли, перегара, затхлости, влаги, грязи и еще чего-то. Чтобы перебить этот запах и не добавлять к нему запах от посещения «параша», мы жгли бумагу. Это было первое ноу-хау, познанное мной в тюрьме. Жжена бумага на время перебивает любой запах и позволяет таким образом не постоянно дышать за-

пахом выделений от каждого сходявшего в туалет.

Слева, прямо у двери стояло ведро с теплой водой (как я потом узнал, это была питьевая вода), накрытое грязным куском целлофана. Один вид грязного пластмассового ведра отбивал все желание пить. Напротив двери, под потолком было окно. Хотя о том, что это окно, я узнал позже, поскольку оно было полностью заделано ржавым металлическим листом с маленькими дырочками, из которых сочилась вода с улицы. Свет из них не проникал, поскольку был уже вечер, хотя и утром было видно лишь сами дырочки, поскольку они выделялись на темном фоне светлыми пятнышками. Ни стола, ни стула – ничего подобного в этом помещении не было. Хотя нет, в шаге от меня находился подиум вдоль всей стены, высотой около 30 сантиметров, который и являлся кроватью, столом и стулом одновременно. На этом подиуме, подстелив под себя свои куртки, головами ко мне и ногами к противоположной стене лежали 3 человека. На меня удивленно смотрели 3 пары глаз и 3 бритые головы.

После того, как лязгнул затвор двери, и я остался с ними один на один в камере, они долго смотрели на меня не понимая, что я делаю в камере и почему за мной закрыли дверь. Позже один из них сказал мне, что я был похож на проверяющего из администрации, поскольку был в костюме и поэтому они не поняли, почему меня оставили в камере. После некоторой паузы мне предложили сесть на край подиума и стали знакомиться со мной.

Шагнув к подиуму, я протянул руку и сказал: «Виктор». Один из парней привстал, протянул мне руку и ответил: «Саня». Второй тоже привстал, улыбнулся, показав редкие зубы, и проговорил: «Вован». Третий парень, так и не поднявшись, сказал: «Я Николай», – но руки не подал. На мой жест протянутой руки он отвернулся и сказал, что ему нельзя, поскольку он «в системе». «Не понял, в чем?» – переспросил я. Тут парни оживились и стали объяснять: «в системе» – это значит «обиженный» или «опущенный», понятно? Мне, конечно, было совсем не понятно, но чтоб не показаться совсем дилетантом или невеждой, я сказал, что понятно, и сел на край подиума.

Сперва я даже подумал, что система – это круто, так как он лежал под одеялом на матрасе и даже руки не подал. У остальных постельных принадлежностей не было. Постепенно мне объяснили, что значит быть «в системе» и какие ограничения существуют в тюрьме при общении с такими людьми. Впоследствии этот «опущенный» еще сыграет свою роль в моем деле, полностью оправдав отношение к себе.

– Ты кто и за что здесь? – спросил Саня.

Я замялся, поскольку не знал, что и сказать. Не много помывшись, сказал:

– Я депутат.

– Депутат? – переспросил Саня.

– Да, – сказал я.

– А я сначала подумал, что проверка пришла, – повторил

Саня. – А за что тебя?

– Наверное, взятка, – ответил я, тяжело вздохнув.

– Понятно, – сказал Саня и удовлетворенный ответом потерял интерес.

– А вы за что? – поинтересовался я.

После этого вопроса я минут двадцать выслушивал истории моих сокамерников, из которых я понял, что все беды в мире от пьянок, сотовых телефонов, плохих компаний и других, совершенно, оказывается, не зависящих от самих людей причин.

Моим сокамерникам было от двадцати до тридцати лет. У них было одно желание – быстрее бы отправиться на этап. Для меня это звучало просто ужасающе. Как можно хотеть быстрее на зону? Но, пообщавшись с этими парнями несколько часов, я понял, что там и есть их настоящая жизнь. Они уже не в первый раз заезжают в тюрьму и другой жизни просто не представляют. Вся их жизнь протекает в тюрьме и в колонии. Там их друзья, знакомые, их круг общения, там они известны и что-то из себя представляют.

Помню, меня поразили их своеобразные высказывания о жертвах их преступлений. Они говорили о них, как о средствах попадания в тюрьму. Они вроде и жалеют людей, и сами не понимают, зачем так поступают. Они во всем винят алкоголь, но при этом абсолютно не раскаиваются в содеянном. С улыбкой и даже со смехом они рассказывали, как забавно все получилось в этот раз. Не буду посвящать вас в

подробности этих историй, скажу лишь одно: я столкнулся с людьми, как будто из другого мира, с другими взглядами на жизнь, с другими приоритетами, с другими ценностями. С людьми, которые в слове «заявление» делают 4 ошибки и считают это вполне нормальным. И самое страшное, что с такими людьми мне придется жить и общаться в ближайшее время, а значит надо находить общий язык.

Только в камере мне удалось немного передохнуть и упорядочить свои мысли. У меня было одно желание – побыстрее уснуть и дождаться завтра. А завтра что-нибудь обязательно изменится. Завтра будет суд по избранию мне меры пресечения и, скорее всего, меня выпустят под подписку о невыезде, или придумают еще какой-нибудь способ, и этот кошмар закончится. От напряжения и всего пережитого я долго ворочался и не мог уснуть. Мысли лезли в голову, развивая различные варианты будущего.

Никакого постельного белья нам не выдали. Не было даже матраца и подушки. Мне пришлось постелить свою куртку на деревянный подиум и прямо в одежде, накрывшись пиджаком, пытаться уснуть. Свет в камере изолятора, как и в тюрьме, не выключают даже на ночь, поэтому он ярко бил в глаза. Мы соорудили «облачко» из сигаретной пачки и повесили его на светильник. В дальнейшем я постоянно так делал в тюрьме, за что периодически получал втыки от коридорного охранника. Но без «облачка» спать совсем невозможно и это больше напоминает пытку.

В легкой полудреме я промучился всю ночь до утра. Заснуть нормально я так и не смог, хотя очень хотел спать. Мысли роем вились в голове, не давая заснуть. В итоге я абсолютно не выспался, сильно замерз и набил несколько синяков на боках от лежания на деревянном основании.

После того, как меня увезли из ИВС, всех троих моих сокамерников по одному вызывали к следователю и допрашивали о том, что я говорил, как себя вел, чем занимался, какие фамилии или имена упоминал в рассказах и многое другое. Впоследствии я видел протоколы их допроса у себя в деле. Саня и Вован не стали ничего врать и наговаривать, хотя я знаю, что их просили. А вот «системщик» Николай проходил по моему делу свидетелем обвинения и подписал все, что ему подсунули. Такая уж особенность большинства людей из этой категории осужденных. В дальнейшем я расскажу, почему это так, и как этого добиваются.

«Малый суд»

Избрание меры пресечения

На следующий день после моего задержания состоялся суд по избранию мне меры пресечения. В тот момент я считал суд чем-то сакраментальным, не зависящим ни от кого и ни от чего. В моем представлении, если можно было задержать человека по недоразумению или указанию сверху (поскольку приходилось слышать о таких случаях), то уж точно нельзя было посадить в тюрьму без существенных на то причин и оснований. Только сейчас, окидывая взором все произошедшее с высоты нынешнего положения и приобретенного опыта (поскольку я четырежды сталкивался процедурой избрания меры пресечения и ее продления), понимаю, что, несмотря на придание этой процедуре элементов независимости и непредопределенности, она по сути является чисто технической процедурой и зависит исключительно от желания следственных органов и прокуратуры.

Согласно норм уголовно процессуального кодекса, избрание меры пресечения – это принятие дознавателем, следователем, прокурором, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Согласно статье 98 УПК РФ, мерами пресечения является:

1. Подписка о невыезде;
2. Личное поручительство;
3. Наблюдение командованием воинской части;
4. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
5. Залог;
6. Домашний арест;
7. Заключение под стражу.

Нет абсолютно никакого смысла подробно разбирать, в каком случае, какая мера избирается судом и что на это влияет. Одно не поддается сомнению – даже при небольшом желании следователя или прокурора арестовать вас, у суда найдутся все необходимые основания, поскольку закон дает большое разнообразие причин и трактовок для избрания этой меры пресечения. Достаточно подозреваться в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. А у нас даже за кражу ведра картошки можно получить гораздо больше, не говоря уже о чем-то более серьезном. Да и, как вы понимаете, подозревать можно вообще в чем угодно и кого угодно, но это абсолютно не будет свидетельствовать о виновности человека в преступлении или определять квалификацию. А еще есть формулировка, которая постоянно цитируется заключенными и над которой смеются абсолютно все. Ее смысл сводится к тому, что решение судья принимает на основании «внутренних убеждений»! А уж у кого какие внутренние убеждения – попробуй

догадайся.

Также суду будет вполне достаточно теоретических опасений, что вы можете скрыться от органов следствия или будете оказывать давление на свидетелей, или, например, угрожать потерпевшему. А еще, например, вы можете продолжить заниматься преступной деятельностью, по мнению суда, конечно. Интересно, как они могут сделать такой нелепый вывод? Тем не менее, в законе существует и такая формулировка. Одним словом, избрать меру пресечения «арест» можно абсолютно любому человеку, которого хоть в чем-нибудь подозревают или обвиняют. Особых причин для этого не требуется. Суд с легкостью выдаст такое определение при ходатайстве со стороны следственных органов.

Даже если вы произнесете пламенную речь и будете с пеной у рта доказывать, что вовсе не собираетесь скрываться от органов следствия, поскольку у вас семья и дети, что не собираетесь оказывать давление на кого-либо и, тем более, заниматься преступной деятельностью, все равно вам никто не поверит, а точнее – никому это будет не важно и не интересно. Все это будет лишь никому не нужные слова. В крайнем случае, адвокат скажет это все с одной лишь целью – произвести впечатление на вас, дать понять, что он не зря будет получать от вас деньги за дальнейшую защиту и у него есть аргументы на доводы суда. Хотя при этом он будет заранее абсолютно уверен, что вас арестуют, если на то будет воля следственных органов, и если он с ними предваритель-

но не договорится о другой мере пресечения. Естественно, под словом «договорится» подразумевается, что вы сделаете все, что вам скажут, дадите какие надо показания, оговорите кого укажут. Одним словом, каждый арестант знает и всегда имеет в виду: если задержанного отпускают под подписку о невыезде или назначают домашний арест, значит, он пошел на договоренность со следователем. Особенно опасна такая ситуация для тех, у кого задерживают «подельников» или свидетелей. Это сигнал, что, если вы не будете давать показания на своих напарников или не будете говорить необходимое органам, то начнут «сливать» вас, «навешивая» на вас всю вину. Этим успешно пользуются органы следствия, зачастую делая специальную подставу, арестовывая одних участников, но при этом не арестовывая кого-нибудь одного из группы. Еще раз хочу напомнить: я не защищаю бедненьких арестованных, как вы можете подумать. Я пишу о том, что всегда «управляемый» суд, как и вседозволенность следственных органов при желании добиться поставленных результатов – это плохо, и это ломает жизни людей, зачастую невиновных или виновных не в такой мере.

Существуют, конечно, разовые случаи, когда суд не усматривает наличие оснований для избрания меры пресечения «арест» и избирает другую, более мягкую меру пресечения, но их процент настолько мал, что скорее это исключение из правил, поэтому рассчитывать на это в большинстве случаев не приходится.

В моем случае все было обыденно и банально. Мой «подставной» адвокат оттарабанил свою бестолковую речь, судья сделал вид, что послушал, следователи поухмылялись моим заявлениям о бессмысленности меня арестовывать, поскольку ни сбегать, ни препятствовать следствию, ни оказывать давление на кого-либо я не собираюсь, и спокойно арестовали меня на два месяца по понятным и описанным выше причинам. Естественно, на тот момент я испытал очередной шок от такой обыденности процедуры суда для всех участников и такого результата. Ну зачем, казалось мне, засовывать меня в тюрьму? Я и так был напуган, раздавлен и не понимал, что делать. В тот момент у меня не было озлобленности на следственные органы и судей. Я был готов рассказывать, как все было на самом деле, и сам был бы за справедливое разбирательство. Но, как оказалось, у всех были свои цели и задачи в этом деле. Я попал в эпицентр большой политической игры, поэтому для надежности было принято решение надежно упрятать меня на пару месяцев, а дальше уже посмотреть, как будет развиваться ситуация.

Перед судом мой адвокат убеждал меня, что шансы не быть арестованным у меня большие, поскольку есть весомые доводы моей невиновности и отсутствие каких-либо причин для ареста. Этим он внушал мне уверенность в возможности иного исхода. Это был, наверное, первый и последний раз, когда я поверил, что сильная аргументация и банальная логика могут хоть как-то повлиять на решение суда.

Выбор адвоката

Хотелось бы здесь обратиться к родителям, родственникам, братьям, сестрам, женам тех, кто оказался в подобной ситуации. Конечно, бесполезно писать и говорить вам, чтобы вы не расстраивались или не впадали в состояние истерики и безутешного горя. Конечно, бесполезно просить вас не плакать и тем самым не расстраивать еще больше своего попавшего в беду близкого человека. Но, поверьте мне, в эти минуты он находится в полном шоке и растерянности и пока не знает, что делать и что будет дальше, но одно он знает и чувствует точно. Он не хотел бы, чтобы вы расстраивались, плакали, чтобы вам становилось плохо. Осознавая все это, он переживает вдвойне – еще и за вас. Облегчите, насколько можете, его переживания и этим вы сильно поможете ему. Постарайтесь не падать духом, не отчаиваться, а наоборот придать уверенности в хорошем исходе, или хотя бы в том, что вы контролируете ситуацию и знаете, что делать дальше. Это поможет ему продержаться до встречи с адвокатом, через день или два в следственном изоляторе, не наделав глупостей и неверных импульсивных поступков. Это очень важно, поскольку может сказаться на результате. А потом и у вас, и у него улягутся первые эмоции и чувства, и вы сможете здраво и относительно спокойно принимать нужные правильные решения и планировать дальнейшие действия.

И еще один очень важный и принципиальный момент. Когда вам сообщили о том, что задержан ваш близкий человек, не надо сразу паниковать и бросаться звонить первому попавшемуся под руку адвокату, чье имя вы случайно увидели в справочнике. Надо сконцентрироваться и вспомнить, есть ли у вас или у ваших знакомых какой-нибудь знакомый адвокат или юрист, у которого можно проконсультроваться и который может порекомендовать кого-то. В любом случае, пока вы не знаете, в чем конкретно обвиняют или подозревают вашего близкого человека, вам не удастся выбрать нужного адвоката, поскольку у всех адвокатов существует определенная специализация по определенным видам правонарушений. И лишь немногие способны браться за любое дело и при этом выиграть его. Самое оптимальное решение: если у вас нет знакомого адвоката, попытаться найти кого-нибудь в сжатые сроки, а точнее за 48 часов, лишь для того, чтобы адвокат присутствовал на суде по определению меры пресечения и следил за соблюдением законности всех процедур. Соответственно, заключать с ним договор следует только на представление интересов подзащитного именно в этом судебном заседании. А уже после этого за первые несколько дней наведите справки о специализирующихся на данных видах правонарушениях адвокатах и только после этого делайте свой выбор и заключайте основной договор на защиту. Конечно же, все это актуально лишь при наличии материальной возможности оплатить услуги адвоката. Хотя узнать рас-

ценки у разных адвокатов следует в любом случае, поскольку разброс цен достаточно велик у разных специалистов и, к сожалению, не всегда это зависит от профессионализма того или иного адвоката. При отсутствии у вас необходимых средств, адвокат в любом случае будет предоставлен государством и тут уже все будет зависеть от тяжести правонарушения, которое совершил ваш родственник, и от того, на кого из «положняковых» (от слова «положенных») адвокатов падет выбор. Мне приходилось слышать несколько случаев, когда очень неплохие и относительно дорогие адвокаты из адвокатской коллегии защищали не имеющих возможности платить людей по назначению. Хотя, конечно, даже в этом случае будет лучше, если вы хоть что-то будете доплачивать назначенному адвокату, а не просто будете уповать на его совесть и профессиональную этику. Так и вы будете уверенней, и ему приятнее работать.

У меня на суде присутствовал адвокат, подсунутый мне следователем. Хотя присутствие любого другого адвоката в тот момент ничего бы не изменило. Несмотря на все красивые слова и формальную речь в мою защиту, все кроме меня прекрасно понимали, что меня арестуют и ничего в этом случае не поделают, поскольку на то была воля прокуратуры. Суд являлся лишь формальной процедурой, требуемой по закону.

Впоследствии мы нашли нормальных адвокатов и отказались от услуг «подставного». Но подговнить он все-таки

успел, и это еще больше усугубило мое положение.

Тюрьма (следственный изолятор)

Что для вас значит слово тюрьма? Возникают ли какие-нибудь внутренние ощущения, мысли, эмоции, ассоциации? Пробегает ли холодок по телу? Застываете ли вы на мгновение, услышав это слово? Или оно просто пролетает мимо ваших ушей, не заострив вашего внимания и не вызвав ни малейшей эмоции. А может у вас всплывают в представлении картинки или фрагменты из фильмов и сериалов, так упорно и часто показываемых нам в последнее время для формирования нужного общественного мнения. Нам показывают, что и там живут люди, и что о них хорошо заботятся, и все эти люди идут по пути исправления и благодарят за это государство. Понимаете ли вы разницу между тюрьмой и зоной? Знаете ли вы, где находится тюрьма в вашем городе и есть ли она вообще? Часто ли вы оказываетесь рядом с ней, и какие мысли у вас возникают при этом?

Я не зря спрашиваю вас об этом. Я вспоминаю свои прежние знания об этом, чувства, эмоции, переживания, которые возникли у меня (а точнее, которых не возникало) при упоминании этого слова. Смешно сказать, но я, будучи, как я считал, всесторонне развитым, образованным человеком, депутатом, представительного органа местного самоуправления, абсолютно не имел ни малейшего представления о том, что на самом деле представляет из себя тюрьма, какие

люди там находятся, почему они туда попадают, чем занимаются, какие проблемы испытывают. Я, как и миллионы наших сограждан, даже ни разу не задумывался над этим, полагая, что и так все понятно и нечем тут интересоваться. А между тем, центральная городская тюрьма находилась именно в моем округе. Более того, я даже жил напротив тюрьмы (как шутили мои сокамерники, «раньше жил напротив тюрьмы, а теперь живу напротив дома») и по нескольку раз за день проезжал мимо тюремного забора, абсолютно не обращая никакого внимания на тюрьму.

В общем, как вы понимаете, о тюрьме я не знал абсолютно ничего, о чем впоследствии я не раз пожалел. Во всяком случае, мне этих знаний очень не хватало. Хотя нет, эмоции, а точнее чувства, связанные с тюрьмой, все же были. И это было связано с разными людьми, моими знакомыми, которые, вернувшись из тюрьмы, очень стеснялись этого и никогда не распространялись по этому поводу. Наверное, именно эта их реакция и вызывала негативное отношение к этим людям, как к людям второго сорта что ли, людям, однозначно и безоговорочно виновным в совершенном преступлении и понесшим за это унизительное, но справедливое наказание в виде изоляции от общества. Для меня не было разницы между тюрьмой и колонией, и я не вдавался в подробности, кто, где и почему лишен свободы. И только сейчас я понимаю, что тюрьма и зона сильно и принципиально отличаются, и сам факт нахождения в тюрьме еще ни о чем не говорит –

ни о причастности человека к правонарушению, ни, тем более, о его виновности. Почему же тогда мы вполголоса, стесняясь, смущаясь и краснея, говорим о наших знакомых или близких, попавших в тюрьму, и заранее пытаемся оправдать человека, думая при этом про себя, что невиновные в тюрьму не попадают. Какой смысл ссылаться на статью Конституции, гарантирующую презумпцию невиновности и требовать, чтобы ее соблюдали при проведении следственных действий или судебного разбирательства, какой смысл писать об этом в газетах и сетовать на невыполнение этой нормы Конституции, если мы сами в своих головах, в своем сознании не соблюдаем ее. Мы изначально не предполагаем никакой презумпции невиновности по отношению к другому человеку. Мы считаем, раз попал, значит, однозначно виновен. Ведь мы сами позволяем следственным органам исходить из изначальной виновности человека, настраиваем судей на обвинительный уклон, мы позволяем потакать и угождать нашему же общественному мнению, сформированному в наших головах средствами массовой дезинформации и гебельсовской пропагандой. Давайте же признаемся сами себе, что мы всегда охотнее верим в виновность человека, чем в его непричастность к преступлению, и когда кого-то оправдывают, мы говорим «откупился», а прокуратура и следственные органы, да и суды тоже считают дело проигранным! Вдумайтесь! Они считают дело проигранным, если не смогли осудить или доказать любыми путями виновность человека. Не расследо-

вать дело, отыскать правду или узнать истину, а именно осудить обвиняемого человека. Это ли ни страшно? Ни в этом ли ужас ситуации? Так чего же мы хотим? Какого правосудия и справедливости добиваемся, если главная задача и цель – это доказать виновность человека, а вовсе не найти правду или, как минимум, провести независимое, объективное разбирательство и расследование.

За всем этим стоят планы по преступности, статистика, данные, доклады, отчеты и многое другое. И самое страшное, что такая ситуация сложилась не по недосмотру или чьей-либо халатности. Это общепринятая практика. Это понимают все участники процесса: дознаватели, следователи, работники прокуратуры, судьи, адвокаты, представители по правам человека и так далее. Просто система «правосудия» выстроена именно так и именно с такими акцентами. Все участники процесса вынуждены играть по этим правилам и в рамках этого игрового (а не правового) поля. Как только кто-нибудь из участников отклоняется от заданных правил и начинает поступать по своим правилам, не считаясь и не договариваясь с остальными, система тут же вышибает его из игры с довольно-таки серьезными и болезненными отрицательными последствиями. Как правило, у него больше не остается шансов продолжать работать в этой системе. И это в лучшем для него случае. В худшем – он может оказаться и по другую сторону от участников процесса. Простите меня за немного путаные объяснения и рассуждения. По ходу по-

вестования я обязательно все поясню, приведу некоторые примеры, и тогда станет более понятно, о чем я говорю.

А что же может сделать тот несчастный, который изначально находится по другую сторону этого процесса, этого большого шоу с заранее известным или, как минимум, планируемым результатом? Как правило, он может лишь наблюдать. Не густо, правда? Как сказал следователь, работающий над моим делом, а потом еще и мой адвокат (один из ведущих специалистов нашего города): «Существует такое понятие как судьба, и значит так суждено». Не правда ли, звучит очень обнадеживающе и совсем не безысходно. Вот с этим и сталкивается человек, попавший на место обвиняемого. С этим пониманием ему приходится мириться и уживаться, осознавая свою беспомощность изменить что-либо или повлиять на что-то. Хотя, могу вас успокоить, не многие заключенные в принципе понимают это, и не многие над этим задумываются. Большинство людей просто принимают то, что есть, как данность, и воспринимают будущее как неизбежное, уповая на милость и жалость обвинителей, смиренно покоряясь судьбе. А может они просто изначально знают результат и даже не стараются понять или проанализировать, что и почему. А зачем? Ведь все равно ничего не изменится.

Самое интересное, что все, что я вам сейчас рассказал, не является тайной или каким-либо открытием для тех, кто постоянно сталкивается с этой системой или каким-либо образом связан с ней. У вас есть знакомый следователь, адвокат,

прокурор или судья? Спросите его об этом. Пусть он вам расскажет, как ему работается во всем этом. Сколько жизней и загубленных судеб на его счету и на его совести? Сколько раз он переступал через себя и закрывал глаза на что-то в угоду этой системе, сколько раз ему приходилось идти на сделку с совестью, если она конечно у него вообще есть? Хотя не думаю, что он скажет вам правду. Скорее всего, он постарается попросту отшутиться. Потому что это очень уж личное, и тысячи «служителей закона» живут с этим – и ничего, нормально. Но все-таки я уверен, иногда у них бывают моменты откровения с самим собой, и уж себя-то им точно не обмануть, как не обмануть и Бога.

Ну да ладно, что-то я углубился в высшие духовные материи и отвлекся от основной цели моего повествования. Хотя все относительно, и еще неизвестно, что на самом деле первично, а что вторично.

Ну, а пока вернемся непосредственно к описанию тюрьмы, ее обитателей и жизни в ней, а точнее – существованию, так как мало кто может назвать это жизнью. Каждый арестант живет постоянным ожиданием чего-то (свидания, звонка родным, прихода адвоката, рассмотрения жалобы, суда, этапа и так далее). Люди переживают время нахождения здесь и дальше уже разъезжаются кто куда. Кому как повезет, или как суждено. Другой вопрос, что это время у некоторых составляет несколько дней, а у некоторых несколько лет. Да, да, я не описался. Мне приходилось встречать лю-

дей, сидящих по несколько лет, и при этом еще не осужденных. Другими словами, еще никто не может утверждать, что они виновны в чем-то и вполне вероятно (то есть вполне может оказаться), что они вовсе не виновны, и в таком случае их надо будет отпускать. Хотя, если честно, мало в это верится. И не потому, что я уверен в их виновности, а потому, что наша система «правосудия» никогда не допустит этого. Ну, разве что в одном из тысячи случаев, да и то, если вмешается какое-нибудь заинтересованное лицо или же общественная организация (типа общественной палаты), с целью набора политических очков и формирования общественного мнения о независимости от власти и близости с народом. Но это будет просто чудо, поэтому мы не берем это в расчет.

Вы спросите, почему же государство не допустит этого? Да все очень просто. В случае признания этих людей невиновными, автоматически появляется виновный в том, что они несколько лет находились в тюрьме и были изолированы от общества. А ведь потерянные годы и сломанную судьбу никто не в силах вернуть человеку. Вот и придется в этом случае признавать ошибку и искать «козла отпущения» среди работников следственных органов, прокуратуры, судов. А это значит, что придется и наказать этого негодяя и, возможно, даже лишит очередного звания или перспектив продвижения по карьерной лестнице. Но самое страшное то, что придется во всеуслышание признаться в несовершенстве правоохранительной системы, по вине которой произошло

такое вопиющее нарушение и ущемление прав и свобод человека. При этом у различных правозащитников и общественных организаций сразу возникнут сомнения и ненужные вопросы по поводу того, сколько же еще несчастных находится в тюрьмах и скольким людям ломают жизни и судьбы такими ошибками по всей стране. Зачем государству такой «геморрой» на свою пятую точку? Гораздо лучше признать людей виновными, упрятать на несколько лет в тюрьму «законно», и никаких вопросов ни у кого не возникнет. А все их «каساتки» (кассационные жалобы) и «надзорки» (надзорные жалобы) будут абсолютно лишены смысла и вряд ли что-то изменят. Все ведь понимают ситуацию, и никто не захочет быть крайним в системе. Вот такой нехитрый расклад, а мы тут лезем со своим правосудием и претензиями на объективное следствие и справедливое судопроизводство. Это никому кроме нас не нужно, и нечего влезать и баламутить воду.

Особо пытливые заметят, ведь есть Европейский суд по правам человека, куда можно обратиться для защиты своих прав. И вы будете абсолютно правы. Он есть! Только прежде чем туда обратиться, надо выполнить ряд действий и соблюсти определенные условия. На все про все уйдет несколько лет и приличная сумма денег. Для начала надо получить приговор, вступивший в законную силу, а вступит он лишь после рассмотрения судом второй инстанции вашей кассационной жалобы. А это, в свою очередь, еще около 4-5 месяцев после приговора суда первой инстанции, а то и больше. И нечего

кивать на сроки, указанные в УПК (в течение месяца). Они никем не выполняются, и это считается вполне нормальным явлением. Даже адвокаты постепенно привыкают к тому, что нечего на это жаловаться, все равно бесполезно, поскольку это не будет признано нарушением. Меня поначалу такое положение дел приводило в шок. Я же «святая наивность», все никак не хотел понимать, что, оказывается, так легко, бесцеремонно и, главное, безнаказанно можно нарушать закон и при этом считать это вполне нормальным явлением. Мои адвокаты слушали меня, сделав озабоченные лица, кивали головами под мое негодование, понимали меня, полностью соглашались со мной, но поделать ничего не могли. Ну, нет, конечно, мы даже как-то послали несколько бумаг о фактах нарушения законов, сроков и о некоторых вопиющих нарушениях, допущенных во время проведения следственных действий, но получили ответ, что все проверено и никаких нарушений не обнаружено. А все, что не смогли опровергнуть, обозвали технической ошибкой следователя. Все указанные нами в жалобе факты быстренько подчистили и подправили необходимое в деле, а следователю дали по шапке за такую невнимательность и разгильдяйство.

Во время процедуры продления сроков моего ареста следователь не подал в нужные сроки в суд ходатайство о продлении ареста и, соответственно, меня должны были отпустить, поскольку получалось, что мое дальнейшее содержание под стражей никому больше не требовалось. У меня на

руках находилась копия ходатайства, датированная первоначальным числом. Однако впоследствии дату входящего в суд письма переправили на более раннюю. Нам этот факт объяснили как опечатку при подготовке документов. В итоге суд, конечно, принял сторону прокуратуры, и меня оставили под арестом. Это было одно из моих первых разочарований в нашей судебной системе. Кулуарно моим адвокатам знакомый судья сказал, что никто не осмелился бы меня отпустить, хотя все прекрасно понимали ситуацию и знали о допущенном нарушении. Кассационная жалоба также не изменила результата.

Помимо этого, с самого начала всего «представления» было еще одно вопиющее нарушение. Заинтересованные лица настолько запутались в своих подтасовках и фальсификациях, что у меня на руках оказалось два разных варианта предъявленного мне обвинения, с абсолютно разными суммами вменяемой мне взятки! Оба варианта были подписаны прокурором. Однако на все наши жалобы и просьбы разобраться с этим вопиющим фактом, дискредитирующим все обвинение и влекущим отмену дела, никакой реакции не последовало. Нам опять же объяснили это технической опечаткой при копировании документов. Однако даже человеку, абсолютно не знакомому с копировальной техникой, понятно, что это полный бред и такого не бывает, поскольку сумма в документах при копировании сама меняться не может. Суд также проигнорировал этот факт.

И это лишь малая часть грубейших нарушений, которыми изобиловало мое дело. Однако не будем на этом останавливаться подробно, поскольку не в этом цель моего повествования. Эти факты лишь ярко характеризуют общую ситуацию в правоохранительной системе нашего государства и не являются какими-то особенными, из ряда вон выходящими, поскольку в каждом деле таких нарушений великое множество. Мои жалобы с перечислениями нарушений и подтасовок насчитывали несколько десятков страниц, и практически ни одно из нарушений не было учтено судом, устранено или исправлено.

Вернемся к обращению в Европейский суд по правам человека. После получения приговора и вступления его в законную силу вы благополучно отправляетесь на зону, а ваши адвокаты за отдельную плату, конечно, начинают готовить пакет документов для обращения в Европейский суд по правам человека. Конечно же, чтобы правильно оформить необходимые бумаги и собрать пакет документов, потребуется еще несколько месяцев. Как правило, мало кто доходит до этой стадии по разным причинам. У кого-то к тому моменту заканчиваются деньги на оплату услуг адвокатов, поскольку помимо основного процесса были еще кассационная и надзорная жалобы, а все это стоит отдельных денег. У кого-то скорее подойдет срок освобождения по УДО (условно-досрочное освобождение), чем будет получено решение Европейского суда, а поэтому не стоит и заморачиваться.

В среднем срок рассмотрения жалобы составляет около трех лет. Но даже если все-таки вы прошли эти этапы, и желание бороться за свою невиновность у вас еще не отбили, то вполне вероятно, что Европейский суд, рассмотрев вашу заявку, может просто отказать вам по ряду субъективных причин. Надо ли объяснять, что на принятие их решения влияет множество различных объективных и субъективных факторов, начиная от масштабности и важности вашего дела с точки зрения судей Европейского суда, оценки шансов «прищучить» Российскую Федерацию и заканчивая политической ситуацией в мире и взаимоотношениями Европы с Россией.

Хотя я знаю несколько случаев, когда дела все-таки принимались к рассмотрению ЕС, и даже слышал, что где-то есть люди, которых оправдали. Но врать не буду, лично с ними не знаком. Зато знаю, что если и есть люди, которым российское государство выплатило компенсации за дни, незаконно и незаконно проведенные в тюрьме и местах лишения свободы, то их единицы на всю страну. Наше государство не любит признавать свои ошибки, так же как не любит, когда кто-то указывает ему на ошибки, за которые надо отвечать. Тем более, что выплачивать приходится довольно-таки большие деньги, поскольку один день, незаконно проведенный в местах лишения свободы, оценивается ЕС порядка 65 евро. Вот и прикиньте, какие деньги придется выплачивать государству в случае признания вашего заключения незаконным. Не мудрено, что государство пытается из-

бежать выплат, находя различные юридические предлоги и выстраивая искусственные препоны. А уж этим искусством у нас владеют в совершенстве. Да, и надо учитывать психологический фактор, когда после пары лет, проведенных в заключении, и всего пережитого здесь любому человеку свобода будет дороже, чем желание любых денег. Потерянные годы, разбитые семьи, утраченное здоровье, к сожалению, никто вернуть не сможет, ни ЕС, ни Президент, ни сам Господь Бог. Вот такая ситуация с ЕС и поисками справедливости с его помощью.

Так вот, как вы уже поняли, в основном в тюрьме находятся те, в отношении кого возбуждено уголовное дело и ведется следствие. Это могут быть люди как арестованные впервые, так и те, кто на момент заведения дела уже отбывал срок за другое преступление в колонии и привезен «на раскрутку» в результате вновь открывшихся обстоятельств. Также в тюрьме находятся те, кого по ряду причин привезли этапом из других городов (из-за «светофора») и кому предстоит отбывать наказание в местных колониях. Но они, как правило, долго здесь не задерживаются и при первой возможности этапом уходят к месту отбывания наказания. Если же кого-то до суда не арестовали, и он находился на свободе во время проведения следствия, а «закрыли» прямо из зала суда, то, скорее всего, этот человек задержится на несколько месяцев, поскольку практически все пишут кассационную жалобу и ждут в тюрьме ее рассмотрения. После чего, по истечении

пары месяцев 95% всех осужденных благополучно отбывают на зону. Если же осужденный не пишет «касатку», то через десять дней приговор суда вступает в законную силу, и заключенный первым же этапом отбывает в колонию.

Таким образом, практически во всех случаях о каждом известно, сколько времени ему придется находиться в тюрьме. Этот факт является немаловажным обстоятельством, при совместном проживании в одной камере и при так называемой «притирке» людей. Особенно это актуально в небольших камерах (до 6 человек), где люди живут буквально бок о бок, постоянно видят, слышат друг друга и вынуждены общаться друг с другом и терпеть привычки и особенности каждого. Согласитесь, есть разница, когда вы знаете, что человек уедет через неделю, или когда он целый год будет находиться рядом с вами, и вам, в любом случае, нравится это или нет, придется мириться с этим обстоятельством и по возможности подстраиваться друг к другу, то есть притираться. Иногда людям так и не удается ужиться и тогда один из них вынужден обратиться к администрации с просьбой о переселении в другую камеру. Главное при этом соблюсти ряд условий, чтобы это не выглядело как принудительное выселение вас из камеры другими заключенными и не повредило вашей дальнейшей жизни.

В тюрьме существует правило, согласно которому, если сидельцы камеры по каким-либо причинам не хотят находиться с определенным заключенным в одном помещении,

они всячески вынуждают его покинуть камеру. На тюремном жаргоне это называется «сломиться с хаты». В этом случае в ход идут абсолютно любые средства – от создания проблем в быту до психологического или физического насилия. Если вы не выдержали и сломились с хаты, весть об этом моментально разнесется по тюрьме. Отныне вы станете изгоем и ни одна из камер не примет вас. Так и будете ездить по тюрьме, пока администрация не устроит вас в какую-нибудь «мурсорскую» хату. Понятно, что на вашей арестантской биографии и на мнении о вас как о достойном человеке после этого можно поставить крест. Это будет постоянно преследовать вас в любом месте, где вы будете находиться в дальнейшем.

Хотя чаще смена камеры происходит по-другому, не зависимо от вашего желания. После пары-тройки месяцев пребывания в одной камере, когда вы устроились и обжились, в один прекрасный момент вам сообщают, чтобы вы собирали вещи и дают вам на это 15-20 минут. После чего вас переводят в другую камеру без объяснения каких-либо причин. И все начинается заново – новая камера, новые люди, новые условия. Но в любом случае после вашего приезда в новую камеру вас расспросят о причинах и поинтересуются, не было ли проблем в предыдущем месте нахождения, и в первую же ночь, пользуясь местной связью, узнают подробные сведения о вас у других заключенных.

В первые недели моего пребывания в тюрьме один старый зэк сказал мне очень важную вещь, которую я лишь потом

осознал до конца, а точнее прочувствовал на себе. В тюрьме никогда нельзя ни к кому и ни к чему привыкать и привязываться, поскольку в любой момент независимо от тебя все может измениться, и каждый раз ты будешь испытывать неприятные чувства от расставания с теми, к кому привык.

Приезд в тюрьму

Прежде всего я хотел бы отметить, что во всех описаниях тюрьмы я буду больше опираться на то, что испытал сам и на реальную ситуацию конкретно в той тюрьме, где мне довелось побывать. Допускаю, что существуют некоторые обстоятельства, нюансы, присущие другим тюрьмам и отличающиеся в мелочах, но все эти отличия абсолютно не существенны и больше касаются описания обстановки в камерах, их размеров, цвета стен, количества заключенных и прочих мало-значительных моментов. Но я глубоко убежден и не раз получал подтверждение своим убеждениям, что порядок и суть процессов, происходящих в стенах тюрьмы, схожи для большинства тюрем нашей необъятной родины. Поэтому, думаю, что те, кто знаком со всем этим, легко узнают в моем описании черты, присущие ситуации именно той тюрьме, где они были, а те, кто, слава Богу, не знаком с этой информацией, получат общее представление о ситуации, характерной для любой тюрьмы России.

Когда нас выкинули из «автозака» (специальная машина для перевозки заключенных) и завели в здание следственно-го изолятора, первое, что я почувствовал, а точнее, что сразу ударило мне в нос, – это мерзкий, специфический, ни на что не похожий запах тюрьмы. Он представляет собой трудно передаваемую словами жуткую смесь человеческого пота,

подвальной сырости, затхлости, еды, хозяйственного мыла и чего-то еще непонятного, но очень мерзкого и вызывающего отвращение.

Меня и еще четверых человек, доставленных вместе со мной, выстроили в коридоре вдоль стены. У каждого спросили номер статьи, ФИО, адрес проживания, год рождения, после чего приказали развернуться лицом к стене, руки держать за спиной, смотреть в пол и ждать пока не назовут фамилию каждого. Незаметно для конвоиров я исподлобья оглядел помещение. То, что я видел вокруг, было мрачно, серо и убого. Интерьер тюрьмы представлял собой ужасно гнетущее зрелище.

Помню, первое, что мне пришло тогда в голову, была мысль «неужели мне придется провести здесь какое-то время», но тут же я успокоил себя тем, что, скорее всего, в ближайшее время разберутся и уже скоро я смогу покинуть это ужасное место и никогда больше не вспоминать о нем. Если бы я знал тогда сколько времени мне придется провести в тюрьме, я просто сошел бы с ума, но, к счастью, этого мне не суждено было знать. Несмотря на все, даже тогда я еще продолжал надеяться на быстрое освобождение. А пока решил не паниковать и дожидаться завершения дня, чтобы успокоиться, привести мысли в порядок и осознать, что в сложившейся ситуации можно предпринять и какой развязки событий ожидать в будущем.

Размышляя над всем происходящим, я стоял, уткнувшись

лицом в серую бетонную стену, изредка поворачивая голову и осматривая все вокруг. Как оказалось, стена не полностью была серой, а лишь в тех местах, где отлетела белая кафельная плитка старого советского образца, по типу той, что в советское время была у нас в ванной комнате. Только назвать ее белой можно с большой натяжкой. Точнее было бы сказать, что когда-то, в незапамятные времена она была белой. Теперь же она была серой от времени и покрывшего ее налета, вся в трещинах, сколах, выбоинах и ржавых подтеках. На высоте порядка двух метров она заканчивалась и дальше шла побелка, с таким же серым оттенком и с точно такими же подтеками. В некоторых местах она изрядно протерлась, и сквозь побелку проглядывали серые пятна бетонной стены. Потолок был тоже когда-то побелен, но следы этого потерялись во времени. Общая высота помещения была больше трех метров. С потолка на специальных штырях свисали старые, ободранные, искривленные советские светильники с редкими люминесцентными лампами, половина из которых были в нерабочем состоянии, и от этого в помещении, в придачу ко всему, было еще и тускло. Пол представлял собой смесь цемента и битой керамической плитки, и поэтому мало чем отличался от стен. Двери камер были выкрашены в темно-бурый (красноватый) цвет и выглядели очень старыми и в прямом смысле раздолбанными. Вдоль стен по нише в полу была пущена труба с подводкой к каждой камере. Также мне бросилось в глаза большое количество проводов,

расположенных по верху стен, переплетающихся между собой, а в некоторых местах оторвавшихся от стены и свисающих вниз. По всему было видно, что ремонт в помещении не проводился минимум лет десять, и от этого оно выглядело мрачным, серым и устрашающим.

Через несколько минут назвали фамилию одного из стоявших рядом, и он зашел в ближайшее помещение с открытой дверью. Через 10 минут он вышел оттуда и встал обратно лицом к стене. Затем назвали мою фамилию, и я в сопровождении конвоира пошел в то же помещение. Это был кабинет досмотра заключенных. Он был порядка 4х6 метров. По центру кабинета была вмонтирована решетка до потолка, разграничивающая кабинет на две функциональные зоны. За решеткой сидел человек за столом. На столе лежали кипы бумаг. За его спиной стоял стеллаж с документами. Справа от него, вдоль стены от окна до решетки располагались несколько ячеек камер хранения (такие раньше стояли на вокзалах) высотой около 3-х метров. До решетки вдоль обеих стен помещения находились деревянные крашенные столы, как я понял позже, для того, чтобы заключенные складывали одежду для проверки на наличие запрещенных предметов и вещей. Вдоль столов на полу лежали деревянные решетки, для того чтобы не вставать голыми ногами на бетонный пол, когда вы будете снимать ботинки и носки. У меня еще раз спросили ФИО, адрес, статью, год рождения и сказали полностью раздеться, положив одежду на стол.

Я снял всю одежду и остался стоять в трусах и носках. Трусы мне сказали опустить до колена и вывернуть, затем попросили наклониться и присесть. После этих акробатических и унижительных номеров мне приказали снять носки и вывернуть их наизнанку. Затем согнуть ноги таким образом, чтобы было видно пятку. Внимательно осмотрев меня на наличие синяков, наколок, шрамов, прощупав и просмотрев всю мою одежду, мне было приказано одеваться и ждать, повернувшись к стене лицом и держа руки за спиной.

Пока я так стоял, мне удалось рассмотреть содержание плакатов, висящих на стенах в большом количестве. В основном там находились права и обязанностей заключенных, телефоны и адреса различных инстанций, куда можно обратиться – от почтовых адресов прокуратуры или управления ФСИН до адресов представителей по правам человека в городе. Также там находились списки запрещенных к проносу вещей, распорядок дня и многое другое, нужное и ненужное в тюремной жизни.

После того как оформили мою личную карточку, меня ознакомили с документом, согласно которому я предупреждался о том, что колючая проволока на ограждающих тюрьму стенах на ночь подключается к электричеству, что в случае побега по мне могут открыть стрельбу на поражение и еще о чем-то, о чем я плохо помню. Зато я очень хорошо запомнил штамп на этой бумаге – «НАШ!!!» Что это означает, просто аббревиатура или моя тогдашняя принадлежность, я

не знаю и по сей день, однако звучала она тогда иронично и насмешливо, как злая издевательская шутка над беспомощным и раздавленным человеком. Хотя, конечно же, это совпадение, а не чей-то злой умысел. И сейчас, вспоминая, это все выглядит забавным моментом, не более того.

После того как я ознакомился и подписал бумагу, меня вывели в коридор и поставили на то же место, где я стоял прежде. Ту же самую процедуру проделали со всеми людьми, стоявшими рядом со мной. Так мы стояли у стены в коридоре еще минут тридцать. Мимо нас проходили люди в форме, проводили группы заключенных, прошел человек в белом халате, похожий на врача, и несколько людей в черных робах и кепках черного цвета, все грязные и замусоленные (это были «баландеры»). Но самое удивительное для меня было то, что никто из них не обращал на нас абсолютно никакого внимания, потому что для всех это было ежедневное обычное мероприятие, к которому все давно привыкли, и вид вновь привезенных людей абсолютно никого не интересовал.

Когда закончился досмотр последнего человека, нас повели по коридору к небольшому помещению, где каждому выдали небольшое одеяло, матрац, подушку, набор уже серого застиранного белья (на которое было страшно смотреть, а не то, что ложиться голым телом), металлическую тарелку, кружку, ложку. Мне повезло – матрац был не старый, а не наполовину опустошенный и в непонятных пятнах, как у соседа, ложка была не сломана и не согнута, а кружка была с

ручкой. Как я понял потом, так везет далеко не всем, если не сказать больше. Но, к чести заключенных, могу сказать, что те, кто особо рьяно отстаивают право замены испорченного предмета, частенько добиваются своего. Хотя трудно что-либо заменить, если в принципе не на что менять. В одно время к нам заезжали люди даже с пластмассовыми ложками. Поэтому везет не всем и не всегда, и порой по объективным причинам. Но в любом случае, советую вам лишний раз заострить внимание: если вас что-то из выданного не устраивает, и тогда есть шанс, что выдающий «баландер» (а это такой же зек, но отбывающий свой срок в тюрьме в качестве хозяйственного работника) заменит вам не устраивающую вас вещь. В противном случае, когда вам уже все выдано, заменить что-либо будет весьма проблематично, так как уже именно вы будете отвечать за состояние предметов, находящихся у вас. Однако даже если вам не удалось заменить не устраивающую вас вещь, не стоит расстраиваться. В дальнейшем, когда вы попадете в камеру, поинтересуйтесь у ребят, кто и когда уходит на этап, или у кого скоро суд, после которого его могут освободить, дав условный срок, например, и договоритесь с ними поменяться тем, что вас не устраивает, поскольку им уже будет абсолютно все равно, а при приемке у них вещей смотрят не на состояние, а на наличие. Так что с течением времени вы сможете в любом случае обеспечить себя всеми необходимыми предметами в нормальном состоянии, независимо от того, что вам выда-

дуг. За год пребывания в тюрьме, поменяв 4 камеры, мне удалось обзавестись самым толстым матрацем (а вы поймете насколько это важно, когда постоянно спиной будете чувствовать железные прутья сквозь тонкий матрац и первое время будете ходить с синяками на спине), огромной подушкой, набитой из двух или трех, как минимум, и новеньким полноразмерным одеялом. Пищу полноразмерным, поскольку большинство одеял подлежат урезке заключенными для использования отрезанных лоскутков на различные нужды (затыкать окна зимой, скручивать веревки, использовать в виде «дров» для поднятия чифира и т. п.). Соответственно, в результате таких урезок многие одеяла закрывают либо ноги, либо голову и вам приходится мучиться, выбирая, что же закрывать в первую очередь, когда в камере холодно. Все то же самое касается и простыней, но в моем случае это было не столь значимым, поскольку я пользовался домашним бельем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.